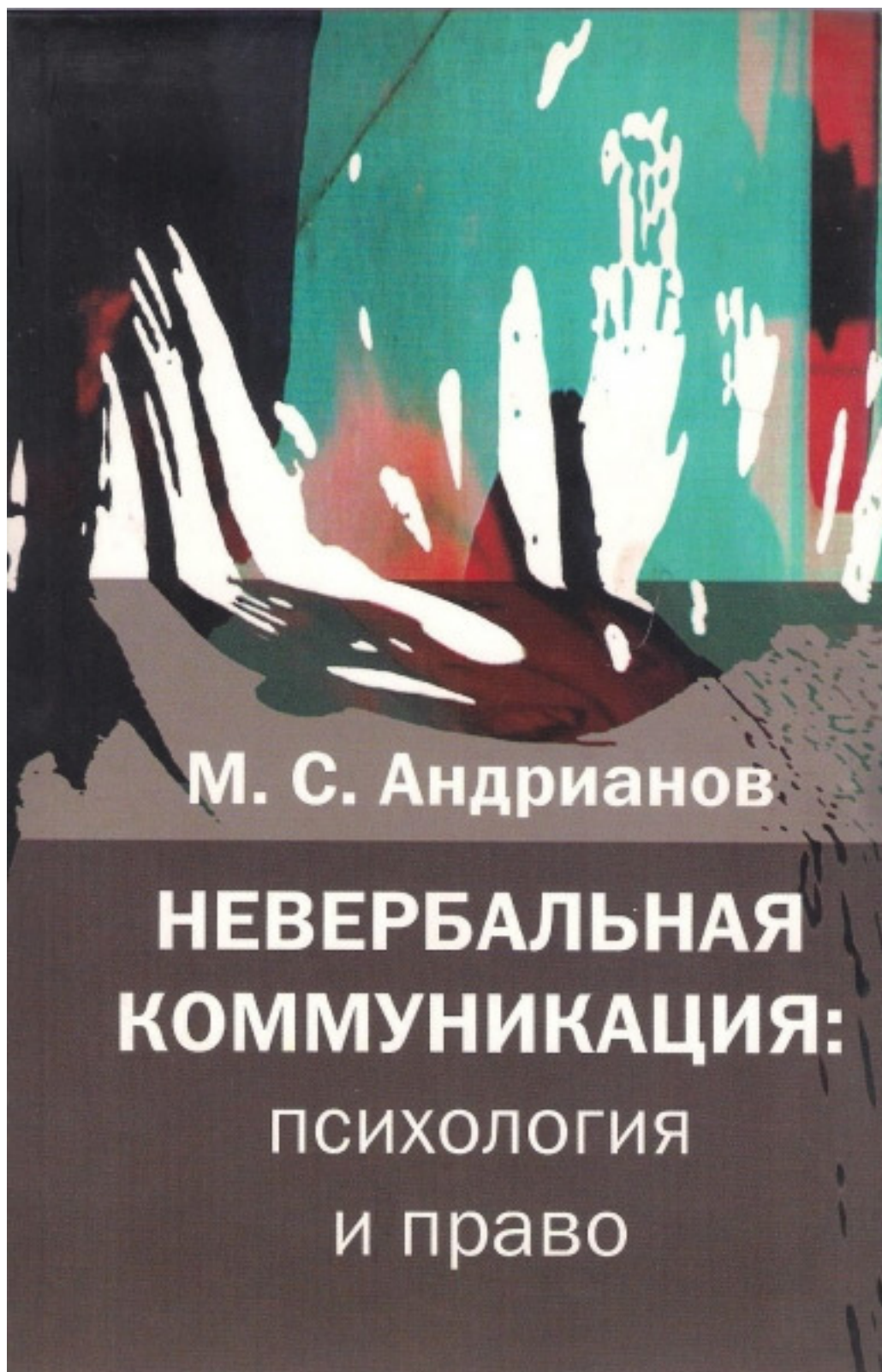

М. С. Андрианов

**НЕВЕРБАЛЬНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ:**

психология
и право

М. С. Андрианов
Невербальная коммуникация

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14110433

Невербальная коммуникация: психология и право: Институт Общегуманитарных Исследований;

Москва; 2007

ISBN 978-5-88230-213-8

Аннотация

В монографии систематизируются научные знания о процессе невербальной коммуникации в контексте актуальной практической задачи – решения проблемы экспертного анализа и правовой оценки экспрессивных средств социального взаимодействия, иллюстраций газетных публикаций и публично демонстрируемых изображений, ставших предметом правовых споров и судебных разбирательств. Изложение основ психологии неречевого общения и методологических критериев интерпретации коммуникативного содержания невербальных компонентов печатных текстов сопровождается примерами из современной правоприменительной практики. Предлагается новый, перспективный метод дискурсивного анализа таких компонентов, ставший результатом обобщения, переосмысления и развития научных представлений об этой важной стороне общественных отношений.

Издание адресовано психологам, юристам, специалистам, выступающим в роли экспертов и консультантов, журналистам, а также всем интересующимся исследованиями в области коммуникации.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Содержание, средства и подходы к анализу процесса невербальной коммуникации	8
1.1 Знак	16
1.2. Символ	22
1.3. Жест	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

М. С. Андрианов

Невербальная коммуникация: психология и право

Введение

Экспрессивные проявления и выразительные движения людей всегда привлекали внимание исследователей разных областей научного знания, в первую очередь, психологов, поскольку такие «знаки» являются не только ключевым индикатором эмоциональных состояний и внутренних переживаний индивида, но и, будучи специально организованы, несут важнейшую смысловую нагрузку в социальном взаимодействии, выступая в виде неречевых форм общения. Причем их спектр весьма широк, а возможности безграничны.

В период активного изучения и открытий в сфере невербальной коммуникации, которая во второй половине XX в. даже оформилась в самостоятельную научную область, были достигнуты значительные успехи в декодировании, классификации и описании неречевых коммуникативных действий. Но удовлетворительный «словарь» и целостную концепцию невербальной коммуникации построить не удалось. И научный интерес к этой проблематике стал неизбежно угасать, вероятно, еще и потому, что объяснительный и методологический инструментарий доступный для исследователей того времени был исчерпан. Требовались новые, в первую очередь, теоретические знания и концептуальные подходы, которые тогда еще только формировались.

Однако исследования системы неречевых форм и средств передачи информации весьма актуальны в современных условиях, поскольку роль невербальных компонентов в масс-медийном дискурсе резко возрастает. При этом все отчетливее оформляется запрос практики к развитию и применению научных представлений о невербальной коммуникации в совершенно новых прикладных сферах, в частности, для решения специфических психолого-правовых задач.

Так, наряду с ростом в России судебных исков к средствам массовой информации по поводу грубых нарушений и злоупотреблений свободой слова, все чаще возникают конфликтные ситуации, когда спорными становятся невербальные коммуникативные компоненты, например, различные иллюстрации массовых печатных изданий. Широкую известность получили уже более 40 фактов, когда те или иные иллюстрации в газетах или другие публично демонстрируемые изображения трактовались некоторыми представителями общественности как оскорбительные или разжигающие национальную и религиозную вражду. Часто декларируемые протесты носили субъективный характер, не отражающий сущность публикуемого изображения, и возникающие конфликты разрешались внесудебными методами, но в некоторых случаях состоялись и судебные разбирательства (в том числе, по делу организации художественных выставок «Осторожно, религия!», «Россия-2»; а также по поводу публикаций карикатур в местных печатных изданиях Самары, Удмуртии, Приморья, Волгограда и др.). Все подобные дела имели общественный резонанс, хотя отдельные судебные постановления были довольно неожиданными. Ситуацию обострил также и получивший известность скандал вокруг публикации карикатур в датской прессе, что вызвало бурную волну протестов со стороны мирового мусульманского сообщества. Эта история имела свое своеобразное продолжение и в России. Редактор одной вологодской газеты, перепечатавшей датские рисунки в виде коллажа, иллюстрирующего статью о скан-

дале, по решению суда была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Известно, что иллюстрации в СМИ, не только выполняют функцию привлечения внимания к изданию, наглядности и образности формы подачи вербальной информации и ее «разгрузки», но и сами по себе рассчитаны на смысловое восприятие, т. е. содержат определенное коммуникативное «сообщение». Более того, принято считать, что невербальные средства обладают широким спектром коммуникативного воздействия и являются одним из его самых тонких методов, поскольку иллюстрации (рисунки, карикатуры, шаржи, фотографии, коллажи, знаковые и символические изображения и т. п.) выступают в качестве универсального языка, общедоступного для понимания и легкого для усвоения и содержат обширные возможности интерпретации по сравнению с вербальными средствами. При этом публикаторы иллюстраций небезосновательно полагают, что имеют полное право на выражение мнений таким способом и что подобного рода «сообщения» в силу своей многозначности и, следовательно, слабой доказуемости нарушений российского законодательства в принципе не могут быть предметом обоснованных правовых претензий.

Безусловно, ст. 29 Конституции РФ гарантирует каждому в нашей стране свободу мысли и слова. И хотя здесь прямо не сказано о других, несловесных способах самовыражений, но, очевидно, что правовой защите подлежит любое мнение независимо от его содержания и формы выражения. При этом согласно ч. 4 этой статьи каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Это означает, что информация может передаваться с использованием и невербальных коммуникативных средств. Кроме того, Российская Федерация в 1998 г. взяла на себя обязательства соблюдать Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. В ст. 10 Конвенции указывается, что каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения, а также получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов.

Однако согласно ч. 2 ст. 10 Конвенции осуществление этих свобод не абсолютно и налагает определенные обязанности и ответственность, сопряженные с условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц.

Таким образом, в нашей стране каждый может выражать свое мнение любым доступным ему способом, в том числе и невербальными коммуникативными средствами, если это не вступает в противоречие с интересами общества, а также правами и свободами других людей. Например, конституционно закрепленные ограничения касаются пропаганды и агитации, в том числе с использованием изображений, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть либо вражду, также запрещается пропаганда любых форм превосходства. Кроме того, есть ряд статей Уголовного Кодекса РФ, в которых прямо определяется, но чаще косвенно подразумевается (следует из текстов опубликованных комментариев) уголовная ответственность за ненадлежащее, преступное использование разного рода рисунков, иллюстраций или публично демонстрируемых произведений. Например, преступления против: чести и достоинства личности – ст. 129 УК РФ (клевета) и ст. 130 (оскорбление); половой неприкосновенности – ст. 135 (развратные действия); общественного порядка – ст. 214 (вандализм); государственной власти – ст. 280 (призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и ст. 282 (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды); порядка управления – ст. 319 (оскорбление представителя власти) и ст. 329 (надругательство над Государственным гербом РФ или Государственным флагом РФ).

Как показывает российская судебная практика случаи привлечения к уголовной ответственности и вынесения обвинительных приговоров за публикацию разного рода иллюстраций и изображений имеются. Можно даже прогнозировать, что число подобных судебных исков в дальнейшем будет только нарастать. При этом правовые оценки спорных изображений, их экспертный анализ, на который суд иногда (но не всегда) опирается, в разных случаях выглядят совершенно противоречивыми, в частности, по отношению к аргументации принятого решения. Более того, сама правомерность использования уголовных санкций в отношении их публикаторов во многих случаях не кажется достаточно убедительной.

До сих пор открытыми остаются вопросы: Способны ли мнения людей, публично выраженные тем или иным невербальным коммуникативным средством, нарушать чьи либо права и интересы? Могут ли они считаться в таком случае не только нарушением норм общественной морали, но и общественно опасным, преступным деянием? Какие средства правовой регламентации (гражданско-правовые, административные и пр.) применимы в определении границ допустимого в освещении событий и их иллюстрировании с помощью невербальных коммуникативных компонентов? Для ответа на эти вопросы необходим тщательный анализ всех ситуаций, когда различные иллюстрации и изображения оспариваются в суде и квалифицируются им в соответствии с нормами уголовного права.

Очевидно, что во всех случаях, когда невербальные компоненты коммуникации все же становятся предметом судебных разбирательств, необходимо привлекать экспертов, что, например, уже прочно вошло в практику разбора дел о злоупотреблениях свободой слова. Однако и в этом плане существуют определенные трудности и проблемы. Анализировать и оценивать смысл изображений подчас сложнейшая задача не только для правоприменителей, но и для специалистов-экспертов, тем более что специальная литература по этой тематике отсутствует. И если критерии и методика экспертной оценки направленности различных высказываний и текстов СМИ достаточно разработаны и имеют обширную практику, то проблема экспертизы невербальных коммуникативных компонентов и их правовой оценки все еще представляет собой «белое пятно». Для их полного и объективного анализа необходимы знания самых разных научных дисциплин – психологии, лингвистики, психолингвистики, семиотики, а также культурологи, религиоведения и искусствоведения. Требуется и специальная, обобщающая эти знания проработка самой предметной области и критериев такого экспертного анализа, которую возможно осуществить, например, в русле бурно развивающейся дискурсивной психологии. Именно этой задаче и посвящена настоящая работа.

В монографии систематизируются научные знания о процессе невербальной коммуникации, раскрываются основные понятия как самой его сущности, так и базовых элементов – выразительных средств, а также особенности их использования и восприятия на разных коммуникативных уровнях. Особенно подробно исследуется проблема определения смысловой направленности иллюстраций в современных массовых печатных изданиях, а также предлагается метод специального «дискурсивного анализа» таких невербальных коммуникативных «сообщений», главный акцент в котором ставится на специфических личностных и ситуативных детерминантах их создания и публикации. При этом изложение основ психологии неречевого общения сопровождается примерами из правоприменительной практики, когда экспрессивные средства социального взаимодействия, невербальные компоненты газетных текстов и публично демонстрируемые изображения становились предметом тех или иных споров и конфликтов, значимых с юридической точки зрения.

Специальная глава работы посвящена анализу проблемы экспертизы и правовой оценки содержания произведений современного изобразительного искусства, в частности экспонатов художественных выставок, которая тесно смыкается со спецификой использования невербальных компонентов в СМИ. Как показано, «язык искусства» имеет много общего с неречевым общением, а иллюстрации в газетах по своему происхождению восходят к

изобразительному искусству и также ориентированы на целостное смысловое восприятие. Кроме того, существует уже определенная российская практика судебных разбирательств по поводу различных произведений современного искусства, которая имеет явные аналогии с правовыми конфликтами, связанными с интерпретацией иллюстраций масс-медийных печатных текстов. Особенности современного искусства, его философские и культурологические основания позволяют лучше понять и, следовательно, точнее определять коммуникативное содержание и смысл иллюстративного газетного материала.

Глава 1. Содержание, средства и подходы к анализу процесса невербальной коммуникации

В самом простом, обыденном значении под невербальной коммуникацией понимают все то, что, наряду со словесной (вербальной) коммуникацией играет важную роль в общении людей. Сюда относят: внешность и одежду партнеров по взаимодействию; тембр, тон и интонацию их голоса; выразительные (экспрессивные) движения их рук, лица, тела и многое, многое другое. Однако такое широкое толкование невербальной коммуникации мало что дает как для изучения и объяснения этого особого культурно-исторического феномена, так и для прояснения самой его сути. Поскольку в таком случае невербальное – это все, что окружает слова (текст) сообщения, но само им не является, хотя и оказывает на вербальное сообщение определенное влияние. Другими словами, подобная трактовка ставит под сомнение понимание процесса невербальной коммуникации как таковой. Поэтому сначала определим, что же вообще является коммуникацией.

Поскольку всякое индивидуальное действие осуществляется в условиях прямых и косвенных отношений с другими людьми, оно включает, наряду с физическим, коммуникативный аспект. Действия, ориентированные на смысловое восприятие их другими людьми, называют коммуникативными. Таким образом, **коммуникация** (от лат. *communico* – делать общим) – это смысловой аспект социального взаимодействия¹. Общаясь, люди обмениваются мнениями, идеями, интересами, точкой зрения, различными представлениями, настроениями, чувствами, установками и т. д., то есть тем, что принято называть информацией. И тогда сам процесс коммуникации можно рассматривать просто как обмен информацией. Но каждый человек знает: важно не только *что* ему сообщают, но и *как, каким образом*.

Соответственно, процесс коммуникации нельзя свести только к передаче информации. В нем осуществляются и другие не менее важные функции: регулятивные (например, статусные или управленческие), эмоционально-аффективные (обмен чувствами, эмоциями), фактические (установление контактов) и пр. И если в ответе на вопрос *что сообщается?* в процессе коммуникации, приоритет имеет вербальная информация, то ответы на многие другие вопросы часто дают именно *невербальные* средства. Поэтому одно из существенных оснований для классификации коммуникации – это разделение по средствам: речевые (письменная и устная речь) и невербальные, к которым относятся паралингвистика (жест, мимика, мелодия и др.), а также вещественно-знаковая коммуникация (продукты производства, изобразительного искусства и т. д.).

Таким образом, невербальная коммуникация – это обмен значимой информацией, не выраженной словами. И хотя многие собственные невербальные проявления, как правило, слабо осознаются участниками общения (остаются в сфере бессознательного) и плохо поддаются контролю сознания, но вот чужие – воспринимаются довольно легко и правильно интерпретируются. Поэтому невербальная информация может усилить значение, позволить точнее и полнее понять сказанное, но может и стать сутью более ценной, чем конкретное вербальное сообщение.

Для иллюстрации приведем только один, но уже ставший хрестоматийным пример – дрожание рук «гэкачеписта» Г. Янаева во время его телевизионного выступления в период августовского (1991 г.) путча искушенным зрителям всего мира «сообщило» гораздо больше, чем все то, что он говорил. И хотя весь смысл этой значимой невербальной информации трудно исчерпывающе выразить словами, но главное – достаточно очевидно: этот человек

¹ См: Психология. Словарь/Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 168–169.

чувствует огромное моральное и физическое напряжение (что, в принципе, вполне естественно) и не справляется с ним во многом потому, что сам не верит истинности и убедительности своих слов; более того, понимая их фальшивость и проявляя определенное малодушие, он не выдерживает взятого им (или навязанного ему) груза ответственности и как «провинившийся школьник» переполнен страхом неизбежно последующего наказания. Для многих россиян невербальное поведение человека, претендующего на роль их лидера, стало *знаковым* и сыграло немаловажную роль в дискредитации и быстро последовавшем полном крахе этого «путча».

Именно то, что невербальные проявления могут выступать определенным **знаком** в ситуации взаимодействия людей, и делает их средством процесса коммуникации. И тогда не все то, что сопутствует вербальному сообщению, может быть невербальным средством коммуникации, а только то, что имеет значение, выступает знаком и выполняет функцию какого-либо сообщения. Другое дело, что в ситуации общения таким знаком, имеющим решающее значение, может быть все что угодно и даже не только конкретные человеческие проявления, а и некоторые атрибуты места и ситуации коммуникации. Например, для общения значимыми могут быть и само место встречи (в социальной психологии они носят название «хронотопов»), температурные и метеоусловия, время суток (особенно, если место встречи было предварительно обговорено) и т. д.

Итак, **невербальная коммуникация** – это совокупность неречевых коммуникативных средств – система жестов, знаков, символов, кодов, использующихся для передачи сообщения с большой степенью точности и играющих важнейшую роль в смысловом понимании людей друг друга². Телодвижения, жесты, позы, выражения лица, голосовые изменения и другие экспрессивные проявления кодируются и декодируются, выступают в роли знаков, имеющих ограниченный круг значений, и выполняют функцию сообщения.

Одной из важнейших особенностей невербальной коммуникации является то, что она осуществляется с участием разных сенсорных систем: зрения, слуха, кожно-тактильного чувства (осознание), хеморецепции (вкус, обоняние) и терморецепции (чувство тепла – холода). В соответствии с этим систему невербальных коммуникативных средств в литературе³ принято подразделять на отдельные подструктуры:

визуальная, или оптическая – сюда входит *физиогномика*, причем не только особенности лица и черепа, но и особенности телосложения, и способы преобразования внешности (одежда, косметика, очки, украшения, борода, усы, татуировки и т. п.); *кожные и физиологические реакции* (потоотделение, покраснение, расширение зрачка и др.); а также *кинесика* – движения (экспрессия) рук, ног, головы, туловища, мимика и пантомимика, выражение глаз, направление взгляда и визуальный контакт, походка, поза и т. п.;

акустическая, или звуковая – *просодика* (темп, тембр, высота звука, громкость, ритм, интонация, речевые паузы и их локализация в тексте) и *экстралингвистика* (смех, плач, кашель, вздохи, скрежет зубов и т. п.);

тактильно-кинестезическая и терморецепторная – *такесика* (статические и динамические прикосновения – рукопожатие, поцелуй, поглаживание, похлопывание и т. п.) и *физические воздействия* (подталкивание, удары, ведение за руку, контактный танец и др.), а также температурные ощущения и воздействия;

ольфакторная и хеморецепторная – *система запахов* (приятные и неприятные запахи окружающей среды, естественные и искусственные запахи тела), а также особые

² См.: Социальная психология. *Словарь/Под ред. М. Ю. Кондратьева*. М., 2005. С. 56.

³ См., например: *Лабунская В. А.* Невербальное поведение. Ростов, 1986; *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1988; *Крысько В. Г.* Социальная психология: словарь-справочник. М., 2001.

запахи, вызываемые специфическими для мужчин и женщин веществами – *феромонами*, которые влияют на подсознание человека;

проксемическая или дистантная – пространственная и временная организация общения (расстояние до собеседника, угол поворота к нему, персональное пространство и т. д.).

Таким образом, полисенсорная природа невербальной коммуникации обеспечивает возможность восприятия человеком практически всех биологически и социально значимых видов информации внешнего мира. При этом важно, что в процессе непосредственного общения происходит: а) взаимодействие всех видов невербальной информации, передаваемой по каналам разной сенсорной модальности, и б) ее взаимодействие с собственно речевой вербальной информацией. Этим обеспечивается высокая надежность восприятия и взаимопонимания людей⁴. Роль невербальных знаков и сигналов в жизни человека огромна. И хотя мнения специалистов в оценке точных цифр расходятся, но можно с уверенностью сказать, что до 70–80% информации в процессе социального взаимодействия человек получает именно по невербальным коммуникативным каналам.

Это происходит во многом еще и потому, что экспрессивно-мимические, выразительные средства общения первыми возникли в филогенезе (историческом формировании человечества и эволюции форм сознания)⁵. Первыми возникают они и в онтогенезе – процессе развития индивидуального организма (как известно, онтогенез повторяет филогенез). Эти средства общения (улыбка, смех, экспрессивные вокализации, мимические движения и т. п.) служат индикаторами отношения одного человека к другому. Они возникают в конце 1-го – начале 2-го месяца жизни ребенка, но сохраняют свое значение на протяжении всей жизни человека, поскольку выражают содержание общения (внимание, доброжелательность, интерес), не передаваемое с такой полнотой никакими другими средствами, и составляют обязательный компонент любого уровня развития общения.

Позднее возникают предметно-действенные средства общения. Это уже не выразительные, а изобразительные средства. К ним относятся локомации (приближения, позы, повороты и пр.), указательные жесты, протягивание, передача предметов, прикосновения и т. д. Изобразительные средства выражают готовность человека к общению и в своеобразной форме показывают, к какому именно взаимодействию он приглашает. Здесь же впервые и появляется стремление ребенка к изображению (сначала пантомимике, потом рисованию, лепке и др.) предметов и людей. И это пока еще не изобразительное творчество в чистом виде (хотя его зачатки здесь и закладываются), главным образом это именно средства общения, но уже на новом уровне осмысления, поскольку они отличаются более высокой степенью произвольности.

Качественное изменение в развитии человека происходит при овладении речью, общение приобретает относительную автономность от конкретной, чувственно воспринимаемой ситуации взаимодействия, т. е. оно становится внеситуативным. Однако при этом более ранние по своему происхождению первые два средства общения не остаются забытыми, отброшенными как менее эффективные и не играют всего лишь дополнительную к словам роль. С помощью речи они получают свое дальнейшее развитие, становятся более осознаваемыми, наполняются конкретным смыслом и участвуют в общении людей наравне с вербальными средствами. При этом они в свою очередь оказывают влияние и на речь, обогащая ее различными метафорами. «Наш собственный язык до краев наполнен физиогномическими приметами и характеристиками [экспрессивно-мимическими, выразительно-изобразительными]. „Горькое“ страдание, „сладкое“ счастье и „кислый“ отказ являются не свободными изобре-

⁴ Морозов В. П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998. С. 20.

⁵ См.: Социальная психология. Словарь/Под ред. М. Ю. Кондратьева. М., 2005. С. 87.

тениями поэтов, а совершенно отчетливыми видимыми выражениями человеческого лица, известными с детских лет»⁶.

Некоторые исследователи (например, Е. А. Тинякова, автор теории «нелингвистического позитивизма») считают, что в современных условиях вообще происходит сокращение лингвистического пространства в коммуникации в целях регулирования перегруженного информационного потока. Сокращение применения языка компенсируется другими феноменами культуры. Этим, в частности, и объясняется активное включение, насыщение коммуникации невербальными средствами общения, и смыслового ущерба процесса коммуникации не происходит⁷.

Кроме того, нидерландский историк культуры И. Хейзинга в трактате «В тени завтрашнего дня», написанном еще в 1935 году, отмечал своеобразный «духовного недуг» нового времени. По его мнению, люди стали слишком доверять словам, что привело к их девальвации: «Как никогда прежде, люди кажутся рабами слова, лозунга, чтобы поражать им друг друга наповал: вербицид в буквальном смысле слова»⁸. Развивая мысль культуролога, отметим такую феноменологию наших дней: смутно ощущая смысл какого-либо социального взаимодействия, в первую очередь на основе невербальных проявлений партнера, люди, тем не менее, не доверяют им и требуют обязательного вербального подтверждения. Но «поскольку значения слов в языке развиты чрезвычайно богато, то может оказаться ненадежным и даже опасным полагаться на язык, например, в тех случаях, когда ожидается простейший ответ типа „да“ или „нет“»⁹.

Таким образом, невербальная коммуникация и в зрелом возрасте человека играет важнейшую роль. Она представляет собой непосредственный канал передачи конкретных, вполне определенных смыслов. Понимание этого факта в процессе развития наук о человеке (прежде всего психологии и филологии) и вызвало огромный интерес к *body language* («языку тела») во второй половине XX в., хотя многие наблюдения и описания выразительных, не связанных со словом проявлений были известны еще с древних времен и привлекали внимание ученых и исследователей с конца XIX в. Однако ранее экспрессия человека чаще всего понималась и толковалась исследователями исключительно как внешние проявления его внутреннего мира, считалась показателем тех или иных чувств и переживаний. Было распространено мнение, что людям, склонным прибегать к жестам, более свойственно выражать эмоции, чем что-либо сообщать. Таким образом, собственно коммуникативная функция невербального поведения пренебрегалась и, соответственно, оно в этом аспекте не исследовалось.

Кстати, и сегодня есть специалисты, ставящие под сомнение коммуникативное значение жеста. Так, знаменитый британский публицист С. Н. Паркинсон (автор всемирно известных одноименных «Законов», разоблачающих и обличающих многие житейские стереотипы и заблуждения обыденного мышления) в ответе на вопрос «Зачем мы жестикулируем?» предлагает понаблюдать за людьми, говорящими по телефону. «Вглядываясь в стекло кабины-автомата, мы часто, в сущности, присутствуем на спектакле-пантомиме. На лице говорящего выражается то озабоченность, то восторг. Он взмахивает рукой то в возбуждении, то безнадежно. Палец указывает то туда, то сюда и т. д. Все эти жесты, адресованные слепой трубке, – прямое доказательство, что они в данном случае являются самоцелью. Все

⁶ Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М., 1993. С.319.

⁷ См.: Тинякова Е. А. Язык как форма существования культуры и концепция нелингвистического позитивизма. М., 2003.

⁸ Хейзинга Й. *Homo ludens*. М., 1992. С.352.

⁹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С.213.

внимание сосредоточено на самом себе, а усиленная жестикуляция свидетельствует лишь о полном отсутствии воображения»¹⁰.

По мнению Паркинсона, жесты являются всего лишь пережитком прошлого и «говорят» об отсутствии у некоторых людей способностей к воображению и умений речевого общения. Он считает, что молодых людей нужно отучать от жестикуляции как проявления умственной лени: «Мы гримасничаем и жестикулируем не потому, что язык не предоставляет нам достаточно возможностей, но потому, что нам не удалось освоить все, что он дает». Отдавая дань метким наблюдениям и сатирическим высказываниям этого автора, все-таки отметим, что есть и другие точки зрения на проблему «целесообразности» жестов. Например, специалисты из Чикагского университета доказали, что жестикуляция благотворно сказывается на деятельности мозга. Человек «размышляющий руками», больше запоминает и может одновременно думать о нескольких вещах¹¹.

Кроме того, эмоции, проявляющиеся в жестикуляции человека, являются не только психическим отражением его жизненных переживаний. Они также выступают в роли регуляторов человеческого общения, влияя на выбор партнеров общения и определяя его способы и средства. Одним из средств общения являются выразительные движения, имеющие сигнальный (знаковый) и социальный характер¹². А невозможность некоторых людей обходиться без них даже в отсутствие другого человека (современная наука рассматривает это как автокоммуникацию) только подчеркивает их обязательное наличие и в ситуации общения. При этом они несут не только информацию о реакциях партнеров по взаимодействию, но могут быть управляемы, сознательно демонстрируемыми и в этом случае наполняются особым смыслом для воспринимающих.

Как самостоятельное направление научных исследований невербальная коммуникация (*nonverbal communication*) оформилось в 1950-х годах. Само понятие тяготеет к семиотике, теории знаковых систем, а в лингвистическом аспекте имеет эквивалент, обозначаемый термином *паралингвистическая* (буквально: то, что «около» речи и связанное с ней) коммуникация. В последующих многочисленных исследованиях за рубежом (R. Birdwhistell, P. Ekman & W. Friesen, J. Fast, E. Hall, H. Calero. и др.) и в России (А. А. Бодалев, В. А. Лабунская, В. Н. Панферов, И. Н. Горелов, В. П. Морозов и др.) были достигнуты значительные успехи в классификации, интерпретации, декодировании и описании (вербализации) неречевых коммуникативных действий, хотя при этом стало ясно: процесс невербальной коммуникации не является прямым аналогом речи.

Были выделены и описаны единицы своеобразного «алфавита» телодвижений *кины*, или *кинемы* (по аналогии с фонемой в лингвистике), а также некоторые *кинеморфы* (нечто подобное фразам). Было построено немало своего рода «словарей» кино¹³. Однако удовлетворительный словарь телодвижений создать в итоге не удалось. В то время как смысл невербальных проявлений схватывается и понимается человеком мгновенно, описания многих сложных коммуникативных движений оказались слишком громоздкими, многословными и малоэффективными в практическом применении. Кроме того, выяснилось, что одни и те же телодвижения могут носить многозначную или даже ситуативную трактовку, другие сильно искажаются в зависимости от конкретной индивидуальности, третьи же вообще имеют незнакомую природу. И, несмотря на полученное богатство эмпирического материала, появление целого ряда оригинальных методических приемов и обилие фактов, под-

¹⁰ Паркинсон С. Н. От жеста к слову // Законы Паркинсона. М., 1989. С. 340–343.

¹¹ Ежедневный журнал. 2002. № 7. 26 фев. С. 41.

¹² См.: Психология. Словарь/Под общ. Ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 462.

¹³ См.: Birdwhistell R. Kinesics and Context. Philadelphia, 1970; Ekman P., Friesen W. Facial Action Coding System // Palo-Alto Psychologists. N. Y., 1978. P. 15–120.

тверждающих коммуникативный характер невербальных проявлений, «выявилась очевидная невозможность воплотить одномоментные динамические смысловые системы личности в дискретных „бездружных“ значениях разного рода словарей»¹⁴. Более успешными оказались попытки создать определенные каталоги жестов, в том числе различных национальных культур. И хотя полностью «расшифровать» отдельные «коды» невербальной коммуникации не удалось, в 1970-е годы был достигнут значительный прорыв как в понимании и объяснении этого феномена человеческого общения, так и в интерпретации «языка тела». Соответственно, появилось и большое количество разного рода практических пособий по обучению этому «языку», некоторые из них оказались достаточно удачными.

Последующее изучение процессов невербальной коммуникации определялось логикой развития науки, в частности когнитивной психологии, согласно которой «конструирование социального мира» – процесс социального познания – осуществляется на основе категоризации как вербальной, так и невербальной информации. Однако, наряду с когнитивными категориями, все больше внимания начинает уделяться другой форме организации знания. Речь идет об относительно устойчивых, обобщенных *структурах* прошлого опыта, позволяющих предвосхищать изменения вида объектов, порядок развития событий, их содержание и связь. Такими структурами является *когнитивные схемы* (иногда в научной литературе их называют *фреймами*), которые с определенной долей условности можно разделить на схемы сцен и схемы событий. Под такой схемой обычно подразумевают минимальное описание какого-либо явления или объекта, обладающего свойством: удаление из описания любой составляющей приводит к тому, что объект перестает правильно опознаваться (классифицироваться)¹⁵. Таким образом, если ранее для исследователей «языка тела» решающее значение имели исключительно только экспрессивные проявления партнеров по общению, то теперь понимание и исследование этого феномена значительно расширилось включением всего антуража: схемы сцены и особенного схемы самого события, что именно и обеспечивает успешность дешифровки невербальных сигналов.

В научной литературе описано уже немало таких схем (хотя понятно, что полный и окончательный их перечень невозможен), которые помогают человеку правильно интерпретировать поведение и понимать людей в различных социальных ситуациях. Приведем упрощенный пример: схема «поход в ресторан». Когда человек приходит в ресторан в очередной раз, прошлый опыт помогает ему легко ориентироваться в обстановке и почти безошибочно понимать невербальное поведение гардеробщика, охранника, других посетителей, бармена, официанта и т. д. Если же человек впервые находится в ресторане, то многое в экспрессивном поведении, например, официанта ему не понятно. Он будет пытаться применить к ситуации другие, уже известные ему схемы сцен и событий, например «посещение магазина», «посещение музея, выставки», «посещение офиса» или какого-либо официального учреждения и т. д. (и соотносить поведение официанта с известным ему поведением носителей других ролей). Но такие схемы будут не вполне адекватны ситуации, если исходить только из них, то можно легко ошибиться в роли официанта, либо принижая ее значение, либо преувеличивая. Естественно, что в итоге человек приноравливается к ситуации и тем самым пополнит свой репертуар когнитивных схем.

В художественной и публицистической литературе есть немало описаний ситуаций поведения и адаптации «новичка» в тюремном заключении, которые хорошо иллюстрируют роль когнитивных схем в коммуникативной успешности. Человек, впервые попавший в эту среду, обычно плохо ориентируется в тюремной иерархии, не разбирается в статусных атри-

¹⁴ Фейгенберг Е. И., Асмолов А. Г. Культурно-историческая концепция и возможности использования невербальной коммуникации в восстановительном воспитании личности // Вопросы психологии, 1994. № 6. С. 74–79.

¹⁵ Подробнее см.: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1988; Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982.

бутах и татуировках, порой слишком буквально воспринимает высказывания, мимику и жесты, испытывающих его опытных «зеков». Отсюда частые ошибки в интерпретации поведения и намерений сокамерников, хотя невербальной информации вполне достаточно – у новичка нет соответствующих ситуации когнитивных схем. Таким образом, введение в изучение процесса невербальной коммуникации понятия репертуара когнитивных схем сцен и событий имело важное значение. Именно они активизируются в первую очередь, когда человек, пытаясь выявить смысл фрагмента невербального поведения – «паралингвистического текста», оказывается в состоянии истолковать его, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от этого «текста».

Базируясь на концептуальных идеях и разработках когнитивной психологии, и, в частности, на представляющуюся наиболее перспективной «стратегическую модель» обработки текста и социально значимой информации Т. Ван Дейка¹⁶, сам процесс невербальной коммуникации можно описать приблизительно следующим образом. Человек, находясь в ситуации социального взаимодействия и коммуникации, наблюдает внешность, выразительные движения и т. п. невербальные проявления другого. И опираясь на собственные знания и опыт в несловесном общении, декодирует эти паралингвистические стилистические маркеры (которые говорят о свойствах человека, признаках, исполняемой им роли, его отношении к партнеру по взаимодействию, самой ситуации общения и т. д.). А также строит свои предварительные гипотезы понимания, определяя ту или иную ведущую интерпретационную стратегию. Каждая такая стратегия, базируется на определенной когнитивной схеме сцены или события, но в отличие от нее не является жестко обусловленной, подчиненной неизбежному алгоритму воспроизведения, а обладает особой пластичностью, возможностью изменения, дополнения и взаимоперехода от одной стратегии к другой, более подходящей реальной коммуникативной ситуации. Это позволяет не только снять многозначность некоторых невербальных проявлений и неопределенность ситуации, но и определить, а в дальнейшем и постоянно корректировать свою собственную позицию, отношение к партнеру и разворачивающемуся действию. На успешность этого процесса влияние оказывают также и такие психологические факторы, как личностная и социальная идентичность взаимодействующих людей (самоощущение, самоопределение и когнитивная самокатегоризация), их наблюдательность, воображение, установки и т. д.

Кроме того, обмен невербальной информацией разворачивается, как правило, в процессе или на фоне коммуникации вербальной. Это, безусловно, нельзя не учитывать. Поэтому среди современных исследователей все более преобладающим становится *функциональный* подход к самому процессу коммуникации. Под функцией здесь понимается целенаправленная, и потому естественно определенная последовательность коммуникативного поведения. Таких функций в общении может реализовываться немало, например: стремление контролировать других, достижение согласия, установление близости и др.; и каждая обслуживается различными формами (кластерами) поведения, используемых одновременно (конкретное высказывание и его интонация, контакт глаз и улыбка, выразительные движения и сокращение дистанции и т. п.).

В этом случае разграничение разных видов коммуникации размывается, поскольку, и это подтверждается последними научными данными, все «высказывания» (вербальные и невербальные) эволюционно возникают из одного и того же узла переработки информации в мозге¹⁷. И речь в данном случае идет уже о некой **метакоммуникации** (понятие введено

¹⁶ См.: Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., Прогресс, 1989.

¹⁷ См., например: Kendon A. Gesture and speech: how they interact // In J. Weimann, R. Harrison (eds). Nonverbal Interaction. Beverly Hills, 1983. Pp. 13–45.

П. Вацлавиком)¹⁸, т. е. так сказать «коммуникации над коммуникацией», когда сообщения имеют смысл, как на рациональном, формальном, так и на содержательном уровне, и выступают реализацией определенной коммуникативной функции. При этом формальное руководит тем, как следует понимать содержание. Например, саркастический тон указывает, что позитивное содержание высказывания не следует понимать буквально¹⁹.

В этой связи отметим, что исследователи сегодня пришли к выводу, что любые невербальные знаки и сигналы нужно рассматривать в непосредственном единстве с сопровождающими их вербальными сообщениями. Особенно это важно при восприятии и интерпретации смешанных (слова + картинка) письменных текстов, публикуемых, например, в печатных СМИ, книгах, учебниках. Хотя, подчеркнем, в качестве предмета специального изучения и анализа их можно рассматривать и отдельно.

В заключение нельзя не упомянуть такую важную сферу человеческой деятельности, как искусство. С одной стороны, его произведения сами выполняют самостоятельную коммуникативную функцию и значительно влияют на несловесное общение людей, а с другой – основой многих видов искусства (сценическое действие, балет, музыка, кино, а особенно изобразительное творчество) является именно невербальная коммуникация. И если слово адресуется к сознанию человека, рационально-логической сфере, то искусство в первую очередь апеллирует к эмоционально-образной сфере человека и его подсознанию. На этой важной психофизиологической закономерности во многом основана огромная убеждающая сила искусства. И именно это позволяет исследовать и анализировать произведения искусства по аналогии с неречевым общением (это будет сделано в последующих разделах).

Однако какие бы сложные объяснительные реконструкции процесса невербальной коммуникации ни выдвигали исследователи, нельзя забывать, что в их основе остаются простые выразительно-экспрессивные движения и акустические сигналы – жесты, знаки и символы. Поэтому остановимся подробнее именно на этих важных первичных элементах – средствах невербального общения и социального взаимодействия.

¹⁸ Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М., 2000.

¹⁹ Уаймен Дж., Джэйлс Г. Коммуникация в межличностных и социальных отношениях // Перспективы социальной психологии. М., 2001. С. 346–347.

1.1 Знак

Понятие «знак», пожалуй, является ключевым в анализе процесса невербальной коммуникации. Раньше многие признаки внешности человека и его экспрессивного репертуара трактовались исследователями в основном как диагностические (например, физиогномика И. Лафатера, антропологическая морфология Ч. Ломброзо, телесная конституция Э. Кречмера, В. Шелдона и др.). То есть эти признаки позволяли судить, в первую очередь, о внутреннем мире их носителя, типе личности и психики, способностях, явных и скрываемых привычках и т. д., а в некоторых случаях о более или менее определенном «будущем жизненном пути». Но в связи с развитием и становлением в XIX–XX вв. особой научной дисциплины – семиотики (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр и др.) многим невербальным проявлениям человека стали придавать функцию знака. Соответственно, стало понятно, что люди могут не только правильно воспринимать, расшифровывать такие знаки, но и обмениваться ими, порой даже без участия речи. Именно признание знакового характера экспрессивности человека дало возможность говорить о самом процессе невербальной коммуникации.

Слово «знак», (англ. – sign, от лат. Signum – «отметка») первоначально обозначало какое-то сделанное человеком изображение, смысл которого известен. Впервые в этом значении появилось в XIV в., позже стало также встречаться в качестве глагола «подписывать», причем подписью был крест²⁰. В современном понимании **знак** – это материальный, чувственно воспринимаемый предмет (событие, действие или явление), выступающий в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования. Он предназначен для приобретения, хранения, преобразования и трансляции определенной информации (сообщения). Знак – важный посредник в социальных взаимодействиях и коммуникации²¹. Совокупность знаков (элементов), находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, составляет *знаковую систему*. Знаковая система, выполняющая познавательную и коммуникативную функцию, называется *языком*. Однако такую функцию (как уже отмечалось) могут выполнять не только естественные (вербальные) языки, но и искусственные знаковые системы, например, язык жестов, язык математических символов, азбука Морзе и т. д.²².

Семиотика (наука о знаках) занимается изучением общих принципов, лежащих в основе структуры всех знаков, с учетом их употребления в сообщениях, а также специфики различных знаковых систем и сообщений, использующих разные типы знаков. Из определения знака вытекает его важнейшее свойство: будучи некоторым материальным объектом, знак служит для обозначения чего-либо другого. В силу этого понимание знака невозможно без выяснения его значения – предметного (обозначаемый им объект); смыслового (образ обозначенного объекта); экспрессивного (выражаемые с помощью его чувства и т. д.), т. е. знак обозначает данный предмет и выражает сопряженные смысловое и экспрессивное значения. Знак может иметь определенный смысл вне наличия соответствующего предмета. В семиотике различают: внутреннюю структуру знаковых систем и отношение знаков друг к другу (синтаксис), знаковые системы как средство выражения смысла, отношение знаков к

²⁰ См.: *Фолл Д.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1998. С. 10.

²¹ См.: *Философский словарь*/Под ред. *И. Т. Фролова*. М., 1981. С. 117.

²² Психолингвисты, изучающие становление речи и мышления у детей, особенно у глухих от рождения, вообще считают, что мышлению вполне возможно и без словесного языка посредством символов (знаков) разной природы. Подобные символы, как и способы выражения отношений между ними, могут носить, например, жестовый характер. Однако мышление невозможно вне опоры на какую-либо символическую (знаковую) систему, где знаки и символы замещают объекты внешнего мира. См.: *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика. М., 2001.

тому, что ими обозначается (семантика), и отношения использующего знаки к употребляемым им знаковым системам (прагматика).

Разнообразие отношений между означающим (непосредственно воспринимаемым) и означаемым (подразумеваемым) задает возможные классификации. Знаки подразделяют на индексные (указательные), иконические (по принципу подобия) и символические (условные, по принципу приписанного свойства). Здесь более подробно опишем «изобразительный» (иконический) знак. Выделяют несколько разновидностей таких знаков: 1) образы (или изображения; в данном случае означающее представляет «простые качества» означаемого): фотографии, скульптура, живопись, но также и ощущения, вызываемые некоторыми музыкальными произведениями; 2) метафоры (в этом случае кодификация производится по принципу параллелизма между знаком и объектом), этот подкласс активно задействован в театральной практике и литературе; 3) диаграммы, схемы, чертежи и другие виды «нефигуративных» изображений, которые еще называют «логическими» (этой группой знаков чаще пользуется математика).

Для понимания природы знака первостепенное значение имеет выделение особых социальных ситуаций (так называемых знаковых), в которых происходит его использование. Подобные ситуации неразрывно связаны со становлением речи (языка) и мышления. Собственно, сама речь становится возможной из-за употребления особых лингвистических знаков (фонем, иероглифов, графем, букв и др.). Известно, что первыми «изображенными словами» (т. е. выполняли такую функцию) были простые рисунки. Причем эти рисунки (или как теперь их называют *пиктограммы*) представляли только то, что было нарисовано. Например, рисунок солнца обозначал только солнце и ничего больше. Но постепенно пиктограммы превращались в *идеограммы* – рисунки, которые обозначали не только то, что было изображено, но и некоторые простые идеи, с этим рисунком связанные. Все древние системы письма (клинопись и иероглифы) возникли из пиктограмм, но значительно отошли от первоначальных изображений. И хотя вербальные знаковые системы – языки – становятся универсальным средством взаимодействия людей, но и невербальные знаки (и не только рисунки) сохранили свою важную коммуникативную функцию и до наших дней.

Современные исследователи изобразительных знаков полагают, что они воспроизводят не только свойства отображаемого предмета, а определенные условия его восприятия. Когда мы видим изображение, то пользуемся для его распознавания хранящимися в памяти данными о познанных, виденных вещах и явлениях. Оказывается, что мы распознаем изображение, пользуясь кодом узнавания. Такой код вычленяет некоторые черты предмета, наиболее существенные как для сохранения их в памяти, так и для налаживания будущих коммуникативных связей. Например, мы издалико распознаем зебру (и затем сможем ее воспроизвести на рисунке), не обращая особого внимания на строение ее головы, пропорции ног и туловища и т. д., – важна лишь ее наиболее характерная черта: полосатость. В быту использование знаков играет огромную роль: от самых простых знаков, например, обозначающих мужские и женские комнаты личной гигиены, до сложных систем типа «дорожных знаков», регламентирующих движение, или знаков-указателей, позволяющих ориентироваться в местах большого скопления людей, например на вокзалах. Функции этих знаков просты и вполне понятны. Их значения универсальны и для неграмотных, и для представителей другой языковой культуры.

Для невербальной коммуникации введение понятия «знаковой системы» очень важно, поскольку позволяет говорить, хотя в некоторых случаях и с определенной долей условности, о «языке тела», как о системе выразительных проявлений человека, выполняющих коммуникативную функцию и имеющих характер знака. Это также дает возможность оформить «язык тела» графически (например, в форме упрощенных, схематических рисунков) и, таким образом, передавать полученное «сообщение» (кстати, не только невербальное) дру-

гим людям, не участвующим в коммуникации непосредственно (ведь знак именно то, что «замещает» объект), т. е. позволяет кодировать и декодировать невербальные коммуникативные проявления.

В этом аспекте знак играет важную роль и для исследователей невербальной коммуникации. Не случайно, специалисты все чаще стали прибегать к рисункам, графическим изображениям, пиктограммам и даже просто фотографиям, изучая и описывая «язык тела», а также составляя разного рода невербальные словари и каталоги жестов. Различные изображения, образно, схематично или фрагментарно фиксирующие то или иное коммуникативное действие, оказалось очень уместно и удобно предъявлять разным испытуемым, выясняя, какое значение придают им люди. Поскольку индивидуальные особенности партнеров и специфичность разных ситуаций «живого», непосредственного общения в таком случае нивелировались, а знак приобретал некоторую универсальность.

Однако у знака есть отличительная особенность – его парадоксальность. В некоторых случаях мы забываем о том, что изображаемое и изображение суть не одно и то же, т. е. различие между реальностью и копией стирается, хотя бы на время. В конечном счете, вся история магических (например, протыкание иголкой портрета некоего человека предполагает нанесение живому конкретному человеку физического вреда) и религиозных (простой пример – человек молится на икону) практик основана на «забывании» этого различия. Этим же определяется и эффективность современных аудиовизуальных средств массовой коммуникации (телевизионная репрезентация того или иного человека воспринимается не как знак, но как сам человек)²³.

Использование знаков в невербальной коммуникации имеет свою специфику, в первую очередь, на стадии предъявления в ситуации непосредственного взаимодействия людей. Например, о чем говорит и можно ли однозначно трактовать то, что человек, хмурит брови, почесывает затылок или нос, топчется на месте, скрещивает руки или ноги, отодвигается от партнера по общению, повышает голос или переходит на шепот и т. п. Если это знаки чего-либо в традиционном понимании, то, что они в таком случае «замещают», тем более что объект, их демонстрирующий, здесь, в ситуации прямого контакта и продолжает делать какие-то другие «знаки». И вообще может быть в таком случае уместнее говорить о некоторых невербальных *сигналах* или даже *симптомах* (например, при побледнении/покраснении кожи, появлении блеска в глазах, расширении зрачка и др.). Кроме того, одно и то же экспрессивное движение может иметь множество значений: человек скребет в затылке – он размышляет в ответ на какой-то вопрос, реплику партнера, а может быть, только демонстрирует, что задумался, или у него просто чешется голова.

Но, тем не менее, любое экспрессивное (выразительное) движение или другое невербальное проявление выступает именно *знаком* для партнера по общению. Сегодня, даже те телодвижения, которые, как считалось ранее, имеют незнаковую природу, например ритмические и эмоциональные движения, сопровождающие речь, специалисты склонны переводить в разряд знаков. То есть даже неосознаваемые, бессознательные невербальные проявления могут являться предшествующим знаком лингвистического оформления мысли. Именно отсюда и происходит двоякая природа знака (невербально-вербальная) – нечто стоит вместо чего-то.

Любое экспрессивное движение или физиогномическая черта выступают как некий условный (или вполне четкий) знак, с помощью которого информация передается партнерам по коммуникации, а последовательное объединение подобных «знаков» представляет собой уже определенное сообщение – «текст», требующий своего прочтения. Если участник ком-

²³ См.: Знак/Постмодернизм. Энциклопедия //Сост. А. А. Грицианов, М. А. Можейко. Минск, 2001. Интернет-версия: <http://infolio.asf.ru/philos/postmod>

муникации владеет соответствующим «языком», ему остается лишь «расшифровать» конкретное невербальное сообщение, декодировать цепочку подобных знаков или перевести их в систему наглядных образов и придать определенное смысловое выражение. При этом подразумевается, что если один человек «прочел», понял невербальное поведение партнера по общению, то это означает, что это же смогут сделать и другие наблюдатели.

И в данном случае неважно, что у человека, демонстрирующего те или иные невербальные проявления, они выступают в качестве сигналов или симптомов, для человека их воспринимающего они имеют функцию знака. Например, расширение зрачков (если не имеются в виду чисто физиологические причины: боль, переход человека из света в тень или др.), говорит также и о резком повышении у человека интереса к чему-либо, причем ничем другим он это обострение внимания может и не проявлять. Как только в поведение другого человека мы выделяем нечто в качестве важной информационной детали, так в тот же самый момент это становится для нас знаком, хотя вполне возможно, что со стороны партнера это знаком, по крайней мере, сознательно демонстрируемым, вовсе и не было. И это ключевой момент подхода к анализу невербальных проявлений с позиции семиотики.

Как уже отмечалось, особенностью невербальных знаков является их неоднозначность, за исключением некоторых жестов, за которыми жестко закреплено определенное значение. Тем не менее, смысловое восприятие таких знаков и коммуникация их посредством все-таки возможны, хотя и требуют определенных навыков. Именно поэтому специалисты, сведущие в «языке тела», учат не спешить с выводами и не выносить суждения с опорой на один, казалось бы, вполне очевидный признак. Тем более что в процессе невербального общения участвует, как правило, все тело. О том, что человек задумался, свидетельствует не только его почесывание затылка – об этом «говорит» целый комплекс различных невербальных знаков: напряженная поза, увод взгляда от партнера и направление его куда-то в пространство или «внутрь себя», сморщенный лоб, может быть, покусывание губ и т. д. Кроме того, значение имеет и весь контекст ситуации взаимодействия, а то или иное прочтение невербального проявления может подтверждаться или опровергаться последующим развитием ситуации (события) и сопровождаться новым комплексом других знаков.

Не случайно перспективным вариантом анализа процесса невербальной коммуникации является модель стратегической обработки информации, о которой говорилось выше. Человек, опираясь на невербальные знаки другого, первоначально строит только гипотезы относительно их толкования, постоянно проверяя их в процессе общения. При этом есть люди, которые демонстрируют удивительную наблюдательность и способность к пониманию человеческой экспрессии, и это не только взрослые, целенаправленно обучающиеся «языку тела», но часто и дети в определенном возрасте, ситуации либо в зависимости от некоторых особых условий воспитания. Например, для расшалившегося ребенка нахмуренные брови отца, все выражение его лица подчас скажут больше, чем неоднократные словесные напоминания «прекрати это».

Искушенность детей в невербальных коммуникативных проявлениях во многом определяется первичностью, как уже отмечалось, экспрессивно-мимических и изобразительных средств общения по отношению к речевым. Не случайно ребенок просто понимает невербальные знаки, но часто, в отличие от взрослого, не может их ни назвать, ни объяснить словами. Собственно, в самом буквальном понимании термина «невербальное взаимодействие» – это обмен экспрессивными проявлениями вообще без участия речи. Проще говоря, тело одного человека проявляет выразительные знаки, а тело их адресата подобными же знаками отвечает (как это происходит в некоторых ситуациях и у людей, избирательно чувствительных друг к другу, например, у влюбленных). Хотя понятие «невербальная коммуникация» кажется в этом случае не очень уместным, все-таки под этим процессом, в первую очередь, подразумевается смысловой аспект (хотя существует же специальный термин «коммуника-

ция у животных» примерно с аналогичным значением). Здесь же скорее происходит взаимодействие по принципу стимульно-реактивных связей. Самый простой пример «обмена» такими невербальными проявлениями: один взмахнул рукой, другой инстинктивно зажмурился. Но все-таки в примерах приведенных выше это все-таки коммуникация, поскольку происходит «обмен знаками», а невербальные проявления партнеров имеют определенный смысл.

Подобное происходит и в любых ситуациях невербального общения. Поэтому некоторые мыслители (например, М. Монтень) призывали не только внимательно наблюдать невербальные знаки другого человека, но и больше «прислушиваться» к себе, своему телу, т. е. фиксировать свои ответные реакции на невербальное поведение других людей. Они утверждают: «наше тело в отличие от нашего сознания нас не обманет». Именно этим важным аспектом невербальной коммуникации во многом и объясняется та мгновенность, с которой человек воспринимает экспрессивные коммуникативные знаки. Неосознанные невербальные проявления, по мнению известного лингвиста и культуролога Э. Сепира, «можно интуитивно интерпретировать как психологически более значимые, чем реально использованные слова [их сопровождающие]»²⁴.

Всем известна ситуация, когда какой-либо назойливый собеседник старается всеми способами удержать внимание партнера, вплотную приблизится к нему, придержать за руку или рукав или даже совсем анекдотично ухватить за пуговицу на одежде. Первым на подобные «знаки внимания» отреагирует тело другого человека. Неосознанным, но мгновенным и вполне естественным в данной ситуации будет внутреннее напряжение и раздражение партнера, его стремление отодвинуться, дистанцироваться и даже избавиться от неприятного общения с ним. И только после телесной реакции человек задумается о привычках и особенностях такого назойливого собеседника, а после, возможно, о причинах его поведения, а также собственных ответных «знаках» – невербальных действиях, вполне вероятно, несдержанных и даже достаточно агрессивных и грубых.

Таким образом, есть немало оснований рассматривать невербальную коммуникацию с позиции семиотики и когнитивной психологии. В отечественной традиции представителем такого подхода выступает, например, Е. А. Петрова, исследовавшая и описавшая методологию *визуальной психосемиотики* межличностного общения (включая психосемиотику кинесики, психосемиотику габитуса (внешнего облика человека) и психосемиотику костюма)²⁵. А исследования по *визуальной психосемантике* проводились, в частности, В. Ф. Петренко, который, опираясь на методологию построения семантических пространств Ч. Осгуда, изучал структуры образной репрезентации методом невербального семантического дифференциала²⁶.

Собственно, мышление человека, согласно взглядам когнитивистов, и представляет собой процесс перевода информации из формы пространственных образов в форму дискретных знаковых кодов. Кроме того, важной особенностью человеческого мышления является то, что внеязыковая реальность мыслится так же, как некоторый язык. Ей приписывается «структурная организованность и потенциальная возможность выступать как содержание разнообразного набора выражений».²⁷ Именно это позволяет людям во всем видеть «знаки», наполненные смыслом, и говорить, например, о «ласковых» касаниях ног морской волны, «шепоте» ветра или листвы, «хмурых» тучах, «улыбнувшимся» из-за облаков солнце и т. п., верить в приметы и суеверия типа «перебежавшей дорогу черной кошки».

²⁴ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

²⁵ См.: Петрова Е. А. Знаки общения. М., 2001.

²⁶ См.: Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.

²⁷ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 16.

Конечно, это *псевдокоммуникации*. Истоки их уходят в глубокую древность и демонстрируют мифологическую и символическую составляющие человеческого сознания. Но это также является и характеристикой воображения, основой творчества, креативности. Когда подобные природные или предметные знаки находят свое отражение, например, в произведениях изобразительного искусства, то это уже не псевдокоммуникация, а самая настоящая коммуникация. Все, изображенное на картине, вплоть до самых мелких деталей, подчинено замыслу художника передать смысл своего произведения. А зрители оказываются способными воспринять и проинтерпретировать то, что художник изобразил, и то, что хотел. Более того, отличительной чертой художников является бесконечный поиск все новых и новых форм, собственных «изобразительных языков». Цель их творчества: познать и открыть невидимые, «скрытые» закономерности внешнего и внутреннего мира, причинно-следственные связи; в единичном увидеть общее; невидимое (психическое) сделать видимым; придать новый смысл знакомым предметам и явлениям; а также как можно полнее и точнее передать задуманное²⁸.

Выбор и предпочтение одних групп признаков, знаков при игнорировании других как раз и создают различия в «формах видения» у художников разных эпох или, например, разных творческих направлений и стилей, что и дает повод говорить о различиях их «изобразительных языков». Условности культуры, влияющие на эти отличия, заключаются, однако, не в создании произвольных средств связи, а в отборе тех или иных признаков из множества знаковых средств, уже используемых в «естественном» коде восприятия. Воздушная перспектива у импрессионистов, например, отбирала иные признаки для построения образа пространственной среды, нежели те, которые использовались в линейной перспективе, скажем, у Дюрера. Но и те «визуальные открытия», которые делали импрессионисты, и те, которые были сделаны создателями линейной перспективы, и многие другие возникли не как совершенно произвольные изобретения художников, а в результате осознания и использования ими каких-то ранее не замеченных знаковых посредников, участвующих в естественном коде восприятия²⁹.

И даже в произведениях так называемого «беспредметного искусства», подобно феноменам вербальных текстов, отдельные линии и цветовые пятна выполняют различные функции и, не имея самостоятельного значения, вместе с тем образуют значимые формы в соотношениях с другими различительными элементами картины. Полученные в результате узнаваемые фигуры по своим функциям могут быть уподоблены единицам речи, средствам коммуникации. Наконец, изображения могут складываться в более или менее сложные композиции, что требует уже перехода от простого узнавания к пониманию мысли, выраженной в картине.

Художник стремится изобрести новые коммуникативные знаки или придать уже известным другой смысл. Здесь творчество и невербальная коммуникация обретают явную взаимосвязь, смыкаются в неразрывное единство. С одной стороны, только наличие опыта, знаний, воображения и навыков коммуникации с опорой на изобразительные знаки позволяет человеку понимать произведения искусства, а, следовательно, получать от них удовольствие и испытывать потребность в них. А с другой стороны, только творчество позволяет человеку успешно пользоваться знаками «языка тела», выбирать из многообразия их значений нужное, а иногда и изобретать, обнаруживать новые смыслы и тем самым открывать их для других.

²⁸ См.: Ермолаева-Томина Л. Б. Психология художественного творчества. М., 2003. С. 5.

²⁹ См.: Чертов Л. Ф. Знаковость: Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб., 1998. С. 182.

1.2. Символ

Еще одним базовым средством невербальной коммуникации является символ. Однако в отличие от «знака» – это более сложное понятие. В принципе, **символ** (от греч. symbolon – опознавательная примета) выступает разновидностью знака. Это образ, который так же, как и знак, является представителем других (как правило, весьма разнообразных) образов, содержаний, отношений, т. е. символ имеет знаковую природу и ему присущи все свойства знака, но их следует различать. Для знака многозначность – явление негативное: чем однозначнее расшифровывается знак, тем конструктивнее он может быть использован. Символ, напротив, чем более многозначен, тем более содержателен³⁰.

Символ не есть только наименование какой-либо одной частности, он схватывает связь этой частности со множеством других, подчиняя эту связь закону, единому принципу, подводя их к некоторой универсалии. Таким образом, **символ** – самостоятельное, обладающее собственной ценностью обнаружение реальности, в смысле и силе которой он, в отличие от знака, участвует. Объединяя различные планы реальности в единое целое, символ создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня³¹.

Современное понятие символа восходит к древней форме – от слова **sumballein**, буквально переводится как «бросать вместе». Первоначально обозначало часть предмета, например разломанное пополам кольцо, две половинки которого при встрече двух людей могли идентифицировать личность каждого. Сегодня символ – это, чаще всего, изображение, условно выступающее от имени другого предмета, который может иметь совсем другую форму (к примеру, треугольник может быть символом предмета, который не имеет ничего треугольного), или же абстрактное понятие (например, изображение совы является символом мудрости)³². В основе символа лежит аналоговое отображение внутреннего содержания понятия, сути окружающих предметов, явлений событий.

Всякий символ есть образ (и всякий образ есть хотя бы в некоторой мере символ), но категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоего смысла, неразделимо слитного с образом, но ему не тождественного³³. Когда мы говорим о холодных и теплых тонах интерьера или о высоких и низких музыкальных звуках, то придаем образу предмета то, что, казалось бы, ему совсем не свойственно. Тем не менее, наше «добавленное» значение делает предмет более понятным, что указывает уже на отражение тех или иных физических явлений в сознании.

В литературе выделяют следующие свойства символа: экономичность (замена сложных явлений выразительными и легко улавливаемыми визуальными конструкторами); абстрагированность (наличие дополнительного внутреннего содержания системы знаков); структурная организованность; интенциональность; архаичность, архетипическая природа; неисчерпаемость содержания; мощностное психологическое воздействие и др.³⁴.

Символ столь же древен, что и человеческое сознание, но его осмысление – сравнительно поздний плод культурного развития. Древнее мифологическое миропонимание предполагает неразрывную тождественность символической формы и ее смысла, субъекта и объ-

³⁰ См.: Психология. Словарь/Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. С. 361.

³¹ См.: Символ/Постмодернизм. Указ. соч. Интернет-версия.

³² См.: *Фолл Д.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1998. С. 10.

³³ См.: Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 378.

³⁴ Цит. по: *Лапинова О. А., Цепцов В. А.* Репрезентация политических и религиозных символов в обыденном сознании // Психологические исследования дискурса/Отв. ред. Н. Д. Павлова. М., 2002. С. 66.

екта, предмета и знака, исключаящую всякую рефлексию над символом. Содержание мифа в первобытном сознании воплощал коллективный опыт восприятия и интерпретации действительности множеством поколений, который служил предметом веры, а не критики. Предметы внешнего мира, как и сами человеческие действия, имели второй план, космологический – «высшее небесное значение».

Но сегодня, пронизывая толщу культуры (переноса смыслы из одного ее пласта в другой), символы реализуются в своей инвариантной сущности. С одной стороны, символ служит нам напоминанием о древних, вечных основах культуры, а с другой – активно коррелирует с актуальным культурным контекстом, трансформирует его, но и сам трансформируется под его влиянием. Смысловые возможности символа всегда шире, чем их конкретная реализация. Это и образует тот смысловой резерв, с помощью которого символ может вступать в самые неожиданные связи, меняя свою сущность и формируя свое новое выражение, примерами чего изобилует вся история XX в.

Отметим немаловажную деталь, смысл символа, как правило, нельзя разъяснить, сводя к однозначной логической формулировке, а можно лишь пояснить, соотнося его с дальнейшими символическими сцеплениями, которые хотя и приведут к определенной ясности, но не достигнут чистых понятий. С этим постоянно приходится сталкиваться восприятию и интерпретации. Возьмем, к примеру, уже упоминавшийся треугольник. В качестве знака он имеет хоть и разные, но вполне четкие значения – геометрическая фигура, образ триады, указатель направления движения. Но в качестве символа – отображает Троицу, которая сама по себе символизирует Бога (что также есть символ самого высшего порядка) в трех лицах (каждое из которых суть символы).

Или другой более древний символизм треугольника (в современной трактовке восходящий к оккультным знаниям, алхимии). В нормальном положении, основанием вниз – вершиной вверх, символизирует огонь, который в свою очередь есть символ преобразования и перерождения, стремления всех вещей к высшему единству (точке, из которой исходит сияние), что само по себе тоже является символом, например, духовного роста, а также символизирует мужское начало, активность, целеустремленность, устойчивость. Перевернутый же треугольник, вершиной вниз, символизирует воду (из-за своего непостоянства, неустойчивости), которая сама является древним мощнейшим символом, наполненным многочисленными смыслами. В данном случае она символизирует вселенское стечение потенциальных возможностей (Источник и происхождение), предшествующее всем формам и всему творению, а также женское начало, иррациональность, превалирование эмоции над разумом, интуиция³⁵. Очевидно, что все интерпретационные характеристики символа «треугольник» также суть символы и могут быть объяснены, но уже через другие символы.

Есть люди, которые неплохо осведомлены в смысловом и сакральном содержании разных символов, и тогда они с легкостью «читают» зашифрованные послания своих единомышленников. Это особенно характерно для художественного творчества. Например, в известной гравюре А. Дюрера «Меланхолия» использовано более 10 разных символических изображений, которые тесно связаны, на взгляд художника, с таким состоянием человеческой души. И хотя символизм многих произведений, если и не известен большинству зрителей, но чувственно (смутно для разума) их смысл все равно ухватывается, что называется «бередит душу», «хватает за живое» и, таким образом, «ищет дорогу» к сознанию каждого конкретного человека. Таким образом, и это самое интересное и важное в коммуникации посредством символов, человек может совсем не знать значение тех или иных символов, их многозначности и истории употребления, но на чувственном уровне он все равно воспринимает символы не так, как любые другие знаки. Во многих случаях воздействие ориентиро-

³⁵ См. например: Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994.

вано не на сознание, а на подсознание, так сказать культурную, «генетическую память», или в терминах психоанализа коллективное бессознательное, которое, например, проявляется в символике сновидений. Эту связь древней символики с восприятием и памятью современного человека убедительно доказал К. Юнг, приводя примеры большего количества архетипов и связанных с ними символов, влиянию которых человек сильно подвержен с древних времен.

Сила воздействия символов на человека такова, что употребление некоторых из них регламентируется законодательством. В первую очередь, это касается свастики. Так, в п. 2 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремизмом понимается также «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики либо атрибутики и символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения». Использование свастики в зависимости от разных обстоятельств дела может быть квалифицировано либо по ст. 280 УК РФ (призывы к экстремистской деятельности путем демонстрации либо пропаганды нацистской символики), либо по ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды и унижения человеческого достоинства)³⁶, либо по ст. 20.3 КоАП РФ (пропаганда и публичная демонстрация указанной символики).

Например, летом 2007 г. школьник одного из городов Свердловской области был привлечен к административной ответственности за пропаганду нацистской атрибутики, которую он носил на одежде. Административное дело было также возбуждено в отношении его матери за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Подросток оштрафован на 10 МРОТ, а его мать – на 5 МРОТ³⁷.

Однако трудности в квалификации подобных деяний в практике все же встречаются, тем более что многими людьми юридические нюансы в отношении их правовой оценки часто просто не воспринимаются. Так, примерно в это же время некоторых представителей общественности Санкт-Петербурга возмутил отказ местных органов прокуратуры в возбуждении уголовного дела по факту появления свастики в подъезде жилого дома в одном из районов города (запрос был направлен региональным отделением молодежного союза «Яблоко»). И хотя само деяние было квалифицировано верно (в данном случае вопрос должен ставиться не об уголовной ответственности, а об административной), но аргументация в постановлении прокуратуры не выглядит достаточно убедительной. Опираясь на мнение эксперта, посчитавшего данное изображение «полностью идентичным не только свастике, но и символике тибетских монахов „Бонг По“, и что вне сопутствующего контекста отличить одно изображение от другого невозможно», прокуратура не нашла «объективных данных, свидетельствующих о том, что указанные символы были нанесены в целях оскорбления общественной нравственности»³⁸.

В современной российской действительности, к сожалению, немало случаев использования и демонстрации свастики отдельными лицами, организациями, объединениями, что зачастую и является предметом юридических разбирательств. Так, в 2006 г. районный суд г. Краснодара вынес обвинительный приговор П. А. Сарафанову, лидеру «Духовно-родовой державы Русь», по ч. 1 ст. 282 УК РФ. Эта организация распространила ряд текстов – обра-

³⁶ Закон не конкретизирует действий, характеризующих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, а указывает лишь их направленность. Это может быть пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности. Под пропагандой следует понимать оказание активного влияния на людей с помощью документов, слов, **рисунков** (выделение автора) и действий, предпринимаемых с целью побуждения этих людей к совершению определенных действий, зарождению у них решимости и стремления совершить определенные действия или же способствование уже существующему намерению. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2002. С 598.

³⁷ Сообщение в Газете, 2007. 22–24 июня.

³⁸ Цит. по: Свастика в законе // Газета, 2007. 18 июня.

щений к Губернатору Краснодарского края, главам краевой и районной администрации, а также прокурору г. Краснодара с предложением «перейти в структуры» своей организации. На всех текстах была представлена свастика, как использовавшаяся нацистами, так и сходная с таковой до смешения. Кроме того, обращения сопровождала «Дипломатическая нота „О свастике и Солярных солнечных символах Русаго Славяно-Арийского Рода“», в которой среди прочего присутствовало изображение более 100 вариантов свастики – солярных знаков. Из текста «ноты» следует, что представители объединения пытаются отмежеваться от смыслового использования свастики немецким национал-социализмом, а обращаются к древней интерпретации солярных символов, трактуя их как «солнечные символы древнего русского рода». В то же время в тексте содержится информация, направленная на возбуждение вражды. В частности, в ней присутствуют оскорбительные характеристики евреев: «иудо-нацисты, иудо-оккупанты», им приписывается совершение различных преступлений (ограбление народов мира, разжигание религиозной вражды, геноцид русского народа).

Здесь необходимо сделать некоторые комментарии. Сегодня достаточно часто высказываются мнения, аналогичные распространенным в указанных документах «Державы Русь» и помещенных на специальном Интернет-сайте, о том, что свастика имеет многозначный, глубинный смысл, известный с древних времен и отличный от негативного содержания, приданного ей фашистами, а потому ее использование не должно преследоваться по закону. Действительно, свастика – многозначный символ. В древние времена этот символ солнечного прохода по небесам означал плодородие и возрождение жизни, а графический знак символизировал удачу, успех в делах, сам термин происходит от санскритского слова «благоденствие». Описание же всех значений свастики и ее вариаций в разные времена и в разных культурах и религиях займет немало места³⁹, однако в основе своей они восходят к первоначальной, указанной выше, смысловой интерпретации. Однако после использования этого символа фашистами – германский «крючковатый крест» Hakenkreuz принят нацистской партией в качестве символа в 1919 г. – его смысл видоизменился и стал вызывать исключительно негативные ассоциации.

Такие трансформации символов, как уже отмечалось, вполне возможны и в некоторой степени даже неизбежны. И сейчас во всем мире свастика трактуется как символ фашизма, национализма и расизма. А попытки вернуть символу первоначальный смысл, или «прикрыться» им, используя различные варианты солярных знаков, неоправданны. В первую очередь, большинством людей свастика будет восприниматься именно во втором (новом) смысле, а ее использование будет пропагандой экстремистской и националистической (ксенофобской) деятельности. Это обстоятельство, как представляется, нашло отражение в Федеральном законе «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от 19 мая 1995 г., в ст. 6 которого содержится императивный запрет на использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных во Второй мировой войне жертвах. Эту позицию разделяет и европейское сообщество. Не случайно международный скандал вызвало появление принца Гарри, внука британской королевы Елизаветы, на костюмированной светской вечеринке в нацистской форме со свастикой. Кстати, указанная выше «Держава» в своих документах, как раз и выступила в защиту поведения принца (недостойного, с точки зрения общественности), выражая свое одобрение его поступку, трактуя это как попытку возрождения «славного, древнего символа».

Другой пример: решение Омского областного суда в рамках гражданского процесса по делу о ликвидации местных религиозных организаций Древнерусской Инглиистической

³⁹ Подробнее см.: *Фоли Д.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1998; *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М., 1994, и другие аналогичные издания.

церкви Православных Староверов-Инглингов, вынесенное в 2004 г.⁴⁰. Одним из важнейших элементов символики этой Церкви является солярный знак – левосторонняя косая свастика⁴¹, используемая в обрядах, а также в качестве атрибутов одежды и помещений. В общинах этой Церкви во время богослужения как элемент культовой практики использовался жест (вскидывание правой руки вверх), идентичный фашистскому приветствию. В итоге суд согласился с выводами заключения Экспертного совета по проведению государственной религиозно-ведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, а также специальной геральдической экспертизы и признал используемую этой религиозной организацией свастику как сходную с нацистской символикой.

Бывают, конечно, случаи, когда демонстрация нацистской атрибутики и символики уместна и не является пропагандой нацизма. Многочисленные документальные, публицистические, художественные произведения и кинофильмы, разоблачающие фашизм и преступления против человечества, изображают, естественно, и его атрибутику, что в таком контексте нельзя считать пропагандой. Аналогичную по тематике брошюру «Фашисты. Вчера. Сегодня. Завтра?» изготовили активисты молодежного движения «Наши», а также поместили ее на своем сайте в Интернете. Авторы брошюры демонстрируют свою озабоченность тем, чтобы преступления фашистов не забывались, это ужасное явление не повторялось в будущем, а нацистские идеи не возрождались. В то время как, по их мнению, некоторые факты и события современной российской действительности свидетельствуют о живучести идей национального превосходства и дискриминации по национальному признаку. Такие события, как убийства иностранных студентов, таджикской девочки, преступления против беженцев-мигрантов и др., а также распространенность среди некоторой части населения России националистических идей и лозунгов, которые активно используются различными партиями и объединениями в популистских целях на российской политической арене, как считают «Наши», как раз и подтверждают это.

Однако один из публичных политиков усмотрел, что в брошюре содержится пропаганда нацистской символики, и обратился по этому поводу в органы прокуратуры. Специально проведенный в связи с этим фактом экспертный анализ показал: несмотря на то, что книга «Фашисты. Вчера. Сегодня. Завтра?» содержит большое число фотографий нацистских деятелей, немецких солдат Второй мировой войны и атрибутики фашистов, размещение этих материалов нельзя расценить в качестве пропаганды нацистской символики. Сопровождающий изображения текст и все содержание брошюры раскрывает суть фашизма как геноцида людей по расовому признаку и осуждает идеологию нацизма. Очевидно, что демонстрация нацистской символики в таком случае не пропагандирует, а наоборот, дискредитирует ее⁴².

Необходимо отметить, что не только свастика может вызывать негативные смысловые ассоциации. Есть и другие символы, атрибутирующие антисоциальную направленность деятельности людей и объединений, их использующих. Например, эмблема «Веселый Роджер» (череп с костями на черном фоне), которая использовалась пиратами в XVII–XVIII вв. Позднее этот символ также применялся нацистами на военных кокардах. Специалисты считают эту эмблему «сброшенной» (вышедшей из употребления), как дискредитировавшей

⁴⁰ Приводится по: Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М., 2005. С. 162–163.

⁴¹ Левосторонняя косая свастика в символогии (науке о происхождении и интерпретации символов) называется Инглией, отсюда происходит и название указанной Церкви, правосторонняя же косая свастика, которую заимствовали нацисты, называется Коловратом.

⁴² К слову сказать, авторы этой брошюры кроме осуждения фашизма преследовали фактом ее издания и другие цели: пропаганда своего движения, вовлечение новых членов, дискредитацию своих идейных политических оппонентов и т. д. В книге немало агитационной и даже популистской риторики, однако пропаганды нацистских идей путем демонстрации их символики нет.

себя. Но это не совсем так, иногда этот символ встречается и сегодня. Например, в атрибутике небезызвестного американского движения «Ангелы АДА», а также подражающих им современных байкеров, в том числе и российских. Современное использование этого символа носит предупреждающий (опасность здоровью) характер, но также в некоторых случаях может обозначать «угрозу убийства». Или другая эмблема – перевернутая пятиконечная звезда, «пентакль», является символом нечистой силы и применяется в черной магии, а в современном мире используется в обрядах сатанистов.

Важным в современной истории и имеющим неоднозначный характер толкования, является древнейший символ шестиконечная звезда «Печать Соломона», или звезда Давида. Существует немало вариантов трактовки значения и происхождения этого символа. Согласно одной из них звезда происходит в результате смещения (наложения) двух треугольников. Один – вершиной вверх, другой – вниз. И тогда интерпретация этих символов по отдельности как бы объединяется и в совокупности обретает дополнительный смысл. Это символ человеческой души, слияние рационального и иррационального в человеке, синтез мужского и женского начала, равновесие формы и материи, а также союз противоположностей – воды и огня, позитивного и негативного, эволюции (стремления к совершенству и идеалу) и инволюции (отказа от совершенства как невозможность преодолеть внутренние барьеры и внешние препятствия).

По легенде именно такой щит нес Давид на свою битву с Голиафом, отсюда и другое название символа Магендавид, или Щит Давида. Именно в таком значении Магендавид голубого цвета вместе с двумя голубыми полосами, символизирующими небеса, на белом фоне, символизирующем чистоту, утвержден в качестве официального флага Израиля, а ранее с конца XIX в. символизировал всемирное движение сионистов за создание собственного государства. Однако во время Второй мировой войны евреев в оккупированной нацистами Европе обязывали носить опознавательный желтый шестиугольный знак, повторяющий Магендавид, с надписью *Jude*, «еврей», по-немецки это называлось «повязка позора». И именно в этом оскорбительном значении символ часто используется современными анти-семитами. Необходимо также отметить, что многие люди, неискушенные в происхождении этого символа иудаизма и его современном значении в качестве атрибутики государства Израиль, часто воспринимают его негативно, считая пропагандой сионизма, который трактуется исключительно как стремление к мировому господству.

С юридической точки зрения бывают ситуации, когда правовой оценки требует не только пропаганда различных символов в качестве афиширования социально опасных идей и побуждения к определенным действиям, но и факт надругательства над некоторыми символами, в частности, государственными, что и отражено в УК РФ. Если предметом такого преступного посягательства выступает государственный герб или государственный флаг России, то деяние следует квалифицировать по ст. 329 УК РФ. Если же предметом надругательства выступают иные символы и знаки государства (например, гербы и флаги субъектов РФ, эмблематика общественных организаций и др.), а также государственная символика иностранных государств, деяние следует квалифицировать как вандализм (ст. 214 УК РФ).

Отметим, что объективная сторона рассматриваемого преступления выражается лишь в действиях, которые *оскверняют* символы государственности. Таковыми являются: срывание герба или флага, умышленное уничтожение (разрывание, сжигание), нанесение на них оскорбляющих знаков, рисунков и надписей, изменение графического или цветового изображения, обезображивающее или принижающее символическую значимость данных государственных атрибутов и т. п.

Однако на практике часто встречаются случаи, когда люди не видят разницы между официальным использованием символов государственности и их частным изображением, и требуют привлечь к уголовной ответственности, например, авторов карикатурных рисунков

таких символов, также считая это надругательством, хотя очевидно, что факта осквернения в таких случаях нет. И это достаточно четко прописано в различных комментариях к УК РФ⁴³.

Таким образом, есть немало символов, оказывающих заметное влияние на современного человека или побуждающих людей к совершению определенных антисоциальных и противоправных действий. Однако для невербальной коммуникации значимым оказалось не только разработка и введение в оборот понятия символа как некоего графического изображения, наполненного многозначным, а порой и противоречивым, глубинным смыслом, а как, в первую очередь, придание многим невербальным человеческим проявлениям символического характера. Именно с этой точки зрения категория символа активно разрабатывалась в *психоанализе* (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг) и *интеракционизме* (Г. Мид, Г. Блумер, И. Гофман и др.). Для психоаналитиков характерной была интерпретация символов как бессознательных, имеющих по преимуществу сексуальное происхождение, образов, обуславливающих структуру и функционирование психических процессов человека. С этих позиций большинство выразительных, невербальных проявлений символически истолковывались либо как сексуальные, либо как агрессивные (или защитные от агрессии).

Другой прогрессивный подход к трактовке символов и их роли в жизни человека представлен в концепции *символического интеракционизма* (интеракция здесь – взаимодействие). Главной идеей приверженцев этого направления было убеждение, что человеческая природа и социальный порядок являются продуктами коммуникации. Личность рассматривается как формирующаяся в процессе повседневного общения с окружающими, в том числе на основе невербальных, символических проявлений. Человек с этой позиции осваивает мир через символические значения. Чтобы объяснить смысл этого постулата, было введено различие между знаками, жестами и символами⁴⁴.

Простейшими естественными знаками являются смысловые стимулы, которые вызывают инстинктивные реакции. Например, мы невольно вздрагиваем, если рядом кто-то издал резкий звук, хлопнул дверью, громко вскрикнул и др. Такая реакция означает испуг и не зависит от социальных отношений, ей подвержены также и животные. Те же знаки, которые выполняют регулятивную функцию в поведении людей, интеракционисты называли жестами. Этот термин обозначает отношение, позицию, социальную установку, которая в социальных отношениях действует на другого индивида как специфический раздражитель. К таким жестам можно отнести как невербальное поведение, так и некое социальное действие, а также и звуковые (артикулированные) проявления, т. е. речь. Жесты выражают определенный смысл и указывают на нечто произошедшее до и после конкретной ситуации. Их функция состоит в том, чтобы вызвать у других такую ответную реакцию, в результате которой совершится социальное взаимодействие – коммуникация. Если кто-то грозит нам кулаком, то тем самым он выражает определенную мысль. Если кулаком грозят на дискотеке, дело идет к драке. А если преподаватель машет кулаком студентам во время лекции, то тем самым он старается, например, привлечь их внимание к чему-либо важному.

Интерпретируя жест, человек обобщает конкретную ситуацию, выясняя мысль, которая передается жестом. Обобщение ситуации до определенного, содержащегося в ней смысла интеракционисты называют *символизацией*. Соответственно, коммуникация становится возможной за счет создания людьми общих знаковых символов. Неожиданные спазмы голоса, изменение скорости и ритма речи, паузы, разрывы слов, форсирование звука или несоответствующий смех, жестикуляция, поза и даже запах – все становится значимым, сим-

⁴³ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Под ред. В. М. Лебедева. М., 2005. С. 811–812.

⁴⁴ См.: Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000. С. 16–21.

воличным в повседневном поведении людей. Значение жеста-символа равно ответу данного индивида на жест другого человека в определенном акте коммуникации.

Символический интеракционизм внес значительный вклад в исследования невербальной коммуникации, которой отводится важнейшая роль в совместной жизнедеятельности людей – социальном взаимодействии. В отличие от психоаналитической точки зрения на невербальное поведение, как инстинктивное, спонтанное и неосознаваемое, интеракционисты показали, что человек способен осмысленно взаимодействовать с другими на основе экспрессии, при этом мысленно оценивая и регулируя свое невербальное поведение и впечатление (импрессию), оказываемое на других. Впервые экспрессивность индивида (и его способность создавать впечатление) стали понимать как состоящую из двух радикально различающих видов сигнальной или знаковой активности: экспрессии, которую он «сам выдает», и экспрессии, которая «его выдает». Именно первый вид, состоящий из вербальных сообщений и невербальных проявлений (и то и другое суть жесты-символы), и является собственно символической интеракцией. Поскольку большинство взрослых сознают тот факт, что другие «читают» их экспрессивные движения, часто прилагаются значительные усилия, чтобы скрыть свои чувства, например, за счет их подавления или преувеличения, а также за счет отвлекающих внимание других невербальных проявлений или высказываний⁴⁵.

Таким образом, сегодня, когда говорят о невербальной коммуникации, под выразительным движением, которое рассчитано на его смысловое восприятие другими людьми, имеют в виду, прежде всего, его символическое значение. Хотя в обыденной, повседневной практике большинство людей не видят существенной разницы между «символом» и «знаком», и когда так или иначе интерпретируют какое-либо невербальное проявление или жест слова «означает» и «символизирует», используются ими как синонимы.

Есть еще одно понятие и значение символа в нашей современности, которое является важным атрибутом невербальной коммуникации и о котором нельзя не упомянуть. В XX в. это слово стало употребляться по отношению к *статусу*, например, в сочетаниях «символ социальной успешности», «секс-символ» (как олицетворение сексуальной привлекательности) и т. д. Большинство из нас, вольно или невольно, окружает себя символами своего статуса, который мы хотели бы иметь, чем и отделяться от окружающих, от тех, кто не имеет соответствующего статуса. Продаваемые сейчас товары играют ведущую роль в усилении статусного сознания. Некоторые люди считают, например, мощные машины выражением и символом мужской силы и сексуальной потенции. Собственно, на этих фактах во многом и основана индустрия рекламы в современную эпоху «общества потребителей товаров».

Важно отметить, что символами статуса и символами той или иной социальной идентичности могут быть не только вещи, но и конкретные персоны (люди из прошлого или современники), которые в массовом сознании нечто символизируют. Можно привести немало подобных примеров: Ленин (символ социалистической революции), Сталин (символ «победы советского народа в Отечественной войне», но не только; эта фигура включает в себя и много других символов – «имперского величия СССР», «культы личности» и др.), Гитлер (символ фашизма), Че Гевара (символ освободительного движения, а сейчас еще и символ антиглобалистов), состав группы «Битлз» (символ прогрессивной рок-музыки), Виктор Цой (символ русского рока) и др. Ну и, конечно, многочисленные секс-символы разных времен и народов: актриса Мэрилин Монро, певица Мадонна, артист Том Круз, футболист Бэкхем и т. п. Множество людей представляют их в качестве своих идеалов и кумиров, стремятся следовать, подражать им, образу их жизни, манере одеваться, причесываться, стилю поведения. Их изображения широко используются в быту, люди хранят их фото, носят на одежде, что, в свою очередь, широко используется, например, рекламистами для продвиже-

⁴⁵ См.: Шибутани Т. Социальная психология. Ростов, 1998. С. 138.

ния товаров. Именно в употреблении изображений таких персон произошло объединение двух ипостасей самого символа, о которых говорилось выше: как многозначного графического изображения, носителя глубинного смысла, и как средства общения, коммуникации людей (символической интеракции).

Это хорошо поняли современные художники. Например, в творчестве американского культового (т. е. самого ставшего символом современного искусства «поп-арта») художника Энди Уорхола остро ощущается вся условность деления на «одушевленное» и «неодушевленное», «одухотворенное» и «неодухотворенное»: люди, вещи, коммерческие логотипы – все эти вечные символы удостаиваются совершенно равного восхищения. Именно Уорхол в своей известной серии «Портреты» (Элвис и Мэрилин, Ленин и Мао, Мик Джаггер и Роберт Мэпплторп) окончательно довел изображения некоторых персон до статуса социального символа-знака, в котором ничего личного от этого человека не осталось.

Вообще, в художественном (изобразительном) творчестве и до Уорхола и после использование разнообразных символов практиковалось достаточно широко. Можно даже сказать, что каждый элемент художественной системы может быть символом – метафора, сравнение, персонаж, художественный герой, его поза и жесты, и даже детали пейзажа или натюрморта⁴⁶. При этом интерпретации разных смысловых слоев невербального сообщения произведения художника могут быть независимы друг от друга. Картину можно осмысливать и на уровне чисто изобразительного значения, и на уровне сюжетной интриги, и на уровне абстрактных идей, и на уровне ее символизма. В этом отношении, конечно, должны различаться адекватное прочтение мысли художника, основанное на использовании тех же кодов интерпретации, и свободное «прочтение» художественных символов. В последнем случае символ оказывается уже не столько средством коммуникации между автором и аудиторией, сколько поводом для свободного смыслообразования в сознании воспринимающих⁴⁷.

Итак, символ – широкое понятие человеческого мира. Как утверждал Э. Кассирер, известный исследователь символов начала XX в., автор «Философии символических форм», человек есть «животное символическое»: язык, миф, религия, искусство и наука суть «символические формы», посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос.

⁴⁶ Например: гранат как символ чистоты и целомудрия часто использовался в картинах разных художников (Караваджо, Дали и др.), оставаясь при этом просто деталью произведения.

⁴⁷ См.: Чертов Л. Ф. Знаковость: Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб., 1998. С. 135.

1.3. Жест

Важнейшим, универсально распространенным коммуникативным средством является **жест**, «пластико-пространственная конфигурация телесности, обладающая семиотически артикулированной значимостью»⁴⁸. Проще говоря, жест – это любой знак, выразительное движение пальцами, рукой, головой, телом, выражающее эмоцию и сообщающее информацию. А язык жестов – система знаков, осуществляемых условными жестами и используемых для общения наряду с речью или взамен ее. Несмотря на простоту и общеупотребительность этого термина, его использование имеет свою специфику, в первую очередь, связанную с множественностью значений этого понятия. На самом деле мы используем слово «жест» для обозначения подчас самых разных явлений, смысл которых может существенно различаться. Так, выше приведено определение «языка жестов», но, буквально, таким языком можно считать только жестикуляцию глухонемых людей.

Поэтому, например, в лингвистике «языки жестов» – коммуникативные системы, план выражения которых строится не на акустической, а на кинестетической основе (жестикуляторно-мимической). Число структурных единиц в таких языках вполне сопоставимо с числом фонем звукового языка. Доказано, что жестовые языки предшествовали вербальным, а используемые в них жесты и морфологические операции, которым они подвергаются, хранятся в памяти как отдельные сущности⁴⁹. Но и здесь есть существенное разграничение: прямым аналогом «буквенных» языков может считаться только разговорный жестовый язык на основе *пальцевого* алфавита. В настоящее время в мире существует более 40 таких алфавитов и систем (включая изображения цифр). При этом, хотя есть системы, где действуют обе руки, в большинстве таких «азбук» используется одна. Считается, что это более удобно – вторая рука свободна для других действий. В то же время существуют знаковые языки глухонемых, где в отличие от пальцевых алфавитов жестами передаются не звуки речи, а целые понятия.

Краткое описание особенностей общения при помощи жестов у глухих здесь приводится только для того, чтобы подчеркнуть громадное значение *руки* в социальном взаимодействии людей. Как подчеркивал еще философ Ф. Бэкон, «так же, как язык, говорит уху, так и жест говорит глазу». Коммуникативные возможности «говорящих рук» (а вслед за ними и других выразительных движений – мимики, пантомимики и пр.) являются основой невербального общения как такового. Из языка жестов для глухих логично вытекают как различные искусственные языки жестов (например, спортивных арбитров), так и практика обмена сообщениями при помощи жестов у всех людей.

Особенностью искусственных языков жестов (иногда их еще называют альтернативными, или профессиональными) является однозначность используемых жестов – каждый имеет строго закрепленное значение. С одной стороны, это делает их экономичными и универсальными – позволяет общаться людям разных языковых культур («жесты для всех») и в ситуациях, когда распространение звука ограничено (шум, удаленность партнеров и др.), а также быстро, почти мгновенно передавать объемное по смыслу сообщение. С другой стороны, возможна и некоторая уникальность жестовых языков – сообщения «не для всех». Значения их знает только узкий круг посвященных. Первыми языками жестов пользуются, например, операторы строительных кранов, водители или уже упоминавшиеся спортивные арбитры, причем отметим, что в разных видах спорта жесты и их трактовка различны. В качестве иллюстрации вторых можно привести языки жестов брокеров, карточных игро-

⁴⁸ См.: Жест // Постмодернизм. Указ. соч. Интернет-версия.

⁴⁹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред В. Н. Ярцева. М., 1990, с. 153.

ков, крупье, а также спортсменов в командных видах спорта, когда разыгрывающий игрок показывает членам своей команды жест, обозначающий комбинацию, которую он предлагает осуществить. Аналогичные жесты используются в преступных сообществах, воровской среде, а также в российских тюрьмах. С «ручным жаргоном» сталкивается любой человек, впервые попавший в КПЗ. В «тайных» языках тюремных жестов наиболее распространены пальцевые жесты, которые выполняются полуопущенной рукой. Это обеспечивает незаметность жестов для непосвященных наблюдателей. Особое значение имеет положение большого пальца, от него зависит смысл передаваемой информации.

Вот, некоторые из подобных жестов. Рука опущена, два пальца (указательный и средний) сжаты и вытянуты вниз, остальные плотно прижаты к ладони – значение: обманывать, «форшмачить» (на тюремном жаргоне). Рука полуопущена, ладонь раскрыта, согнутый большой палец прижат к ладони, указательный и средний палец скрещены – значение: нести вздор, обманывать, «крутить динамо». Рука опущена, сжата почти в кулак с оттопыренным указательным пальцем – значение: изнасиловать, «отшкворить». Рука опущена, ладонь раскрыта, большой и указательный палец соединены в кольцо, демонстрируется тыльной стороной – значение: совершить акт мужеложества, «опустить» и т. п.⁵⁰. Надо заметить, что описанные жесты не являются единственно возможными, уголовная среда постоянно порождает новые жесты-знаки. Как и любая другая, знаковая система жестов постоянно меняется. Но «ручная „феня“» изначально предназначена для передачи информации только «своим», поэтому всячески охраняется от непосвященных. С другой стороны, она копируется молодежью, не принадлежащей к этой среде, и тем самым получает свое распространение на «свободе» и носит ярко выраженный антисоциальный характер. Ее неосторожное, бездумное или явно провоцирующее употребление может привести к серьезным конфликтам и поступкам, которые впоследствии могут быть квалифицированы как уголовные преступления.

Приведенные примеры хорошо иллюстрируют знаковую природу жестов и их роль в социальном взаимодействии людей. Однако для невербальной коммуникации первостепенное значение имеет все же не специфическая, а обыденная жестикуляция людей в процессе общения и использование некоторых общеупотребительных жестов. Существует много классификаций жестов. Среди них те, в которых жесты рассматриваются как показатели личностных особенностей человека и его общения. Выделяют, например, коммуникативные жесты: угрозы; приветствия и прощания; привлечения внимания, подзывающие, приглашающие, указывающие, запрещающие; дразнящие и оскорбительные; утвердительные, вопросительные, отрицательные, выражающие благодарность или примирение; означающие готовность, конец работы, победу и т. д. Перечисленные жесты понятны без речевого контекста и имеют собственное значение в общении.

Есть еще описательно-изобразительные, подчеркивающие жесты. Они, как правило, сопровождают речь и вне ее теряют смысл. Третья группа – это модальные жесты. Они выражают оценку, отношение к предметам, людям, явлениям, окружающей среде: жесты одобрения, неудовольствия, иронии, недоверия; передающие неуверенность, незнание, страдание, раздумье, сосредоточенность или растерянность, смятение, подавленность, разочарование, отвращение, радость, восторг, удивление. Такие жесты выражают также и общую «тональность» общения: возвышенное, нейтрально-обиходное, фамильярное, вульгарное⁵¹. Но в непосредственно наблюдаемом поведении бывает непросто классифицировать тот или иной демонстрируемый жест: мы видим всю экспрессию сразу. И любое простое разделение (отпечатки прошлого – реакция момента; жест для партнера – аутокоммуникация; про-

⁵⁰ Подробнее см.: Язык жестов/Сост. А. Мельник. М., 2003. С. 378–384.

⁵¹ См.: Лабунская В. А. Невербальное поведение. Ростов, 1986.

извольная экспрессия – неосознанная «выдача себя», свое – заимствованное и пр.) практически *всегда условно*.

Тем не менее, человек, формируясь как личность в конкретной социальной среде, усваивает характерные способы жестикуляции, правила применения и прочтения. При этом наш язык жестов является результатом в равной степени инстинктов, интуиции, подражания и обучения. В итоге навыки владения таким «языком», а также сила и частота жестикуляции определяются во многом культурными и групповыми нормами⁵². Так, например, английский психолог М. Аргайл, изучавший во время своего кругосветного путешествия языки жестов, установил, что в среднем на протяжении часового разговора финн использует жестикуляцию один раз, итальянец – 80, француз – 120, а мексиканец – 180 раз⁵³.

Исследователи на основе наблюдения и изучения жестикуляции людей выделяют несколько способов соотношения невербального поведения и речи. Экспрессивные движения людей, все они в широком смысле жесты, могут: означать то же, что речь; означать нечто, что противоречит содержанию высказывания; предвосхищать сообщения, переданные вербальным сообщением; акцентировать ту или иную часть речевого сообщения; демонстрируют более глубинные аспекты взаимодействия, чем данное вербальное высказывание; структурировать контакт между собеседниками и регулировать поток речи; заменять отдельное слово или фразу; с опозданием (например, для лучшего понимания) дублировать содержание словесного сообщения; а также заполнять паузы, периоды молчания⁵⁴.

В языке жестов, употребляемых в повседневном общении, выделяют два типа жестовых семиотических систем: *жесты-знаки* – преднамеренно воспроизводимые движения или положения рук, тела и головы, рассчитанные на чье-либо восприятие и предназначенные для передачи информации; и *жесты-сигналы*, которые непроизвольны, неосознанны и в основном не рассчитаны на чье-либо восприятие, хотя и имеют важное значение для опытных наблюдателей. Именно последним и посвящено большинство специализированных научно-популярных книг⁵⁵. В них можно найти описание и толкование многочисленных жестов. Каждый профессионал, чья деятельность непосредственно связана с общением, обязательно должен иметь подобную литературу в своей личной библиотеке. Однако нельзя не предостеречь от поспешного применения почерпнутой информации на практике. Процесс невербальной коммуникации более сложен, чем обычная наблюдательность и толкование выразительных движений. Во многом он зависит и от особенностей их восприятия.

Все исследователи и интерпретаторы отмечают национально-культурную специфику использования жестов-знаков. Например, вытянутая вперед рука с поднятым вверх большим пальцем в древнеримской традиции означает требование сохранить гладиатору жизнь, в современной западноевропейской – адресует проезжающему автомобилисту просьбу взять в попутчики, в восточнославянской – восхищение, похвалу, а также сообщение, что все в порядке («все хорошо»), в азиатской (Бангладеш) – желание поразвлечься с женщиной, в африканской (Нигерия) – оскорбление и т. д.

В настоящий момент исследователями накоплен большой материал о национально или культурно обусловленных особенностях языка жестов⁵⁶, что, на наш взгляд, только подтверждает древность такого коммуникативного средства, как жест. А национальные различия

⁵² См.: Социальная психология. Словарь/Под ред М. Ю. Кондратьева. М., 2005. С. 46–47.

⁵³ Цит. по: Щекин Г. В. Визуальная психодиагностика и ее методы: познание людей по их внешнему облику. Метод. пособие. Ч. 1. Киев, 1990. С. 81.

⁵⁴ См.: Язык жестов/Сост. А. Мельник. М., 2003. С.41.

⁵⁵ См.: например: Рюкле Х. Ваше тайное оружие в общении: мимика, жест, движение. М., 1996; Дюкенджиев Е. Бионические аспекты бизнеса. М., 1995; Фаст Д. Язык тела. М., 1997; Ниренберг Д., Калеро Г. Невербальная коммуникация: составляющие жестов. М., 1993; Ламберт Д. Язык тела: мини-энциклопедия. М., 2001.

⁵⁶ См., например: Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М., 1998.

в толковании одинаковых (похожих) жестов и наличие специфических, присущих только какой-либо одной социокультурной общности в некотором роде аналогичны факту существования многочисленных вербальных языков. Однако существует и немало жестов, которые можно считать общеупотребительными, т. е. понятными и используемыми в достаточно больших ареалах своего распространения независимо от национальности или культуры. В отличие от жестов-знаков и жестов-сигналов, это так называемые *жесты-символы*. Выше уже указывалась специфика и различия понятий «знак» и «символ», поэтому здесь ограничимся только примерами.

Одним из таких и, пожалуй, самых известных символов является жест «виктории» (победы) – два пальца, указательный и средний, в виде вилки или латинской буквы «v», вытянуты вверх, ладонь с остальными прижатыми пальцами повернута «от себя». Но мало кто знает, что аналогичный жест, но ладонью «к себе» имеет совсем другие, сексуально окрашенные значения. В одних социальных группах это может означать и приглашение к сексу, и удовлетворение от него, а в других – сексуальное оскорбление. Особое распространение этот жест получил в движении «хиппи», в котором он приобрел статус «символа» и означал концептуальный лозунг движения «Свобода сексу!» («Не война, а любовь!»). В то время на концертах американской рок-музыки большинство аудитории составляли именно «хиппи» и этот жест часто использовался. А впоследствии был перенят в других странах. Поэтому сейчас он также используется поклонниками современной музыки (в том числе российскими), причем независимо от ее жанра и направления, как жест одобрения и восторга. Большинство его использующих даже не знает истинного, первоначального значения этого жеста.

Другим известным, но имеющим явную негативную окраску, жестом-символом является «вскинутая вверх правая рука» (ладонь открыта, пальцы сжаты). Вообще-то, это просто знак приветствия. Но после активного использования этого жеста нацистами, он получил значения символа и, так же как и другая фашистская символика, категорически запрещен во многих странах мира. Однако этот жест-символ используется и в современности – неонацистами, более того, фактически он в некотором роде является их «визитной карточкой». Совсем недавно, в декабре 2005 г., публичное использование этого жеста вызвало жесточайшую критику мировой общественностью. Скандальный поступок совершил П. Ди Канио, капитан итальянского футбольного клуба «Лацио». Перед матчем с «Ювентусом» он приветствовал своих болельщиков вскинутой правой рукой.

Жест многие наблюдатели сочли фашистским приветствием. Многие европейские политики, футболисты, а также лидеры еврейских организаций настаивают, что это не случайный жест – знаменитый футболист уже дважды в течение года оказывался в центре такого же скандала. Известно также, что он пользуется особой популярностью среди группировок молодежи с праворадикальными взглядами, а на его руке вытатуировано слово *Dux*, явная аллюзия на слово *Duce*, «Вождь», официальный титул Муссолини. Еврейские организации выступили с заявлением, что подадут на Ди Канио в суд, а Президент ФИФА потребовал, чтобы игроков, совершающих подобные жесты, пожизненно отстраняли от футбола. На футболиста был наложен штраф 10 тыс. евро и запрет участвовать в нескольких играх⁵⁷.

Есть и другие жесты-символы, которые способны самостоятельно передавать сообщение (но нередко сопровождают речь). Например, сжатый кулак правой согнутой на уровне головы руки. Этот жест использовался в немецком антифашистском движении «Рот фронт», в частности, его лидером Э. Тельманом как символ единения в своей борьбе. В этом качестве стал всеобщим символом национально-освободительного движения левого толка и получил широкое распространение. Позднее его широко использовали в Латинской Америке, напри-

⁵⁷ См.: Газета, 2005. 23 дек.

мер, Э. Че Гевара, Ф. Кастро и другие известные персоны. Существование таких общепотребительных жестов-символов, их заимствование, подражание и распространение по миру также аналогично заимствованиям и распространению слов из одного языка во многие другие.

Но есть жесты, которые по сути, не являясь символами, все-таки нечто символизируют. Такие *символизирующие* жесты достаточно распространены. Например, мы часто «держим сжатыми кулаки» за успех другого, близкого нам человека. Очевидно, что значение этого жеста чисто символическое, подчас он даже не адресован какому-либо непосредственному наблюдателю. Часто, особенно детьми, используется жест «скрещенные пальцы», символизирующий «снятие ответственности за вранье» (возможность лжи, ее допустимость). Этот жест стараются не показывать тому, кому говорят неправду, но он может быть видим другими наблюдателями. Еще пример всем известного символизирующего жеста – «бросание перчатки» как реакция на оскорбление, вызов на дуэль. Сейчас этот жест-поступок за упразднением дуэлей практически устарел. Но его производные так или иначе дожили до наших дней. А само понятие, по крайней мере, в образном, метафорическом значении отнюдь не утратило свой смысл.

Символизирующие жесты, но уже несколько в другом аспекте, часто можно наблюдать, например, у спортсменов самых разных видов спорта. Это происходит тогда, когда спортсмен достигает локального или окончательного успеха. Испытывая «бурю» эмоций, стремясь их выразить, разделить с партнерами и болельщиками, он демонстрирует какой-либо жест или даже целую серию, комплекс разнообразных жестов. С одной стороны, такая экспрессия, обладая ярко выраженной личностной индивидуальностью, означает именно переполненность положительными чувствами, но с другой – она очевидно ориентирована на воспринимающих (все-таки спорт в первую очередь зрелище), т. е. носит коммуникативный характер, и, как правило, так или иначе понятна зрителям. Поэтому такого рода индивидуализированные жесты не являются знаками победы, они, скорее, знаки восторга, «бури» чувств, а победу (или локальный успех) они именно символизируют. Позже некоторые из таких жестов, наиболее выразительные и удачные, находят своих подражателей и тиражируются.

Язык жестов, как уже отмечалось, вообще широко распространен в спорте. Можно даже сказать, что сегодня спортсмены являются своеобразными «законодателями моды» в жестовом языке. Они употребляют, изобретают (спонтанно или расчетливо) и вводят в оборот все новые и новые жесты (а также отличительные, стилевые черты внешности). Особенно это характерно для футбола. Порой топ-футболисты разных клубов во всем мире после забитого гола демонстрируют целые пантомимические мини-спектакли, часто специально подготовленные заранее. Экспрессивные «празднования» успеха в спорте еще раз демонстрируют многозначность самого понятия «жест» – это не только *рука*, то или иное ее положение. Жест здесь и движения руками (например, вскидывание вверх с вытянутыми одним или двумя пальцами, либо движение кулаком снизу вверх и т. п.); и проявления мимики, пантомимики, целого комплекса экспрессивных движений (победный клич, срывание и размахивание майкой, имитация ныряния «рыбкой», пробежки и прыжки и даже целые танцевальные па). Жестом является также и все, порой длительное поведение радующегося спортсмена в своей совокупности.

Примерно так и трактовали жест представители символического интеракционизма (см. предыдущий раздел). Жест для них – это определенные действия человека, в т. ч. его вербальные высказывания, имеющие характер акта символического взаимодействия. Многие современные специалисты также считают, что даже самые обычные, бытовые жесты являются довольно глубокими символами. Например: жест запрещающий как бы что-то перечеркивает или выстраивает преграду; разводя руками в недоумении, мы их оставляем без

внятной направленности – они как бы «не знают», что тут можно сделать, и т. д.⁵⁸. Но в быту на такой символичности человек, как правило, глубоко не концентрируется, воспринимая и трактуя различные жесты все-таки в своем привычном, «поверхностном» значении. Таким образом, отмечая значение, которое сыграла эта теоретическая концепция в развитии понятий жест, социальное взаимодействие и др., а также ее влияние на понимание и изучение невербальной коммуникации, отметим, что современные исследователи все же не разделяют присущий интеракционистам *пансимволизм* (видеть символизм во всех поступках человека и придавать символичности сверх-значение) и классифицируют жесты на знаки, сигналы и символы.

Тем не менее, во многом под их влиянием окончательно оформилось такое важное понятие, как **жест коммуникативный**. Как правило, это средство более высокого уровня коммуникации, а именно мета-коммуникации. В отличие от жеста как экспрессивного (телесного) проявления и как средства невербальной коммуникации, это понятие характеризует поступок человека (или целую серию поступков), рассчитанный на его смысловое восприятие и интерпретацию другим человеком или группой лиц. Например, публикация в печатном издании открытого письма (обращения) какой-либо организации либо отдельной публичной персоны – это коммуникативный жест. В определенном смысле символизирующим или коммуникативным жестом можно считать сам факт публикации скандальных «датских карикатур» (особенно с учетом продолжительности их публикации в нескольких номерах издания, разделенных временным интервалом). И уж тем более очевидным коммуникативным жестом стала их перепечатка в ряде других европейских изданий. (Но подробнее на «датских карикатурах» остановимся ниже, в другом разделе пособия).

Такое разнообразие смыслов, которое человек вкладывает в понятие «жест», заставляет задуматься о его психологии, т. е. о его внутреннем, психическом значении. Известно, что решающая роль в становлении сознания человека, развитии его мышления отводится «слову», «речи» или «второй сигнальной системе» по И. П. Павлову. И это, безусловно, справедливо. Однако и роль «жеста», как в некотором роде альтернативу «слову», здесь нельзя недооценивать. И хотя считается, что качественный скачок в развитии – овладение речью – автоматически перевел «первичную» несловесную коммуникацию в разряд дополнительного, вспомогательного средства общения, как более «примитивное» и ограниченное в возможностях, но развитие вербального общения, и многие как бы забывают об этом, неизбежно оказало влияние и на совершенствование неречевых коммуникативных средств, которые сегодня далеко не так примитивны как в доречевой период. А приведенные выше примеры это хорошо иллюстрируют. Кроме того, что есть словесно-логическое мышление, считающееся его высшей формой, есть и наглядно-образное мышление, которое в обыденной жизни играет не менее значимую роль. Поэтому исследователи обращаются к невербальному «информационному каналу», пытаются определить его значение и описать базовые элементы.

В качестве одного из таких можно привести Михаила Чехова, известного русского актера начала XX в. В своих попытках изучить и объяснить природу сценического действия, чтобы в совершенстве овладеть им, он активно изучал философию и психологию⁵⁹. М. Чехов считал, что существует род движений, жестов, отличных от натуралистических и относящихся к ним, как *общее* к *частному*. Из них, как из источника, происходят все характерные, частные жесты. В повседневной жизни мы не пользуемся общими жестами, но они живут в каждом из нас как *прообразы* наших физических, бытовых жестов. «Они стоят за ними

⁵⁸ См.: Кроль Л. М., Михайлова Е. Л. Человек-оркестр: микроструктура общения. М., 1993. С. 24.

⁵⁹ См.: Чехов М. А. ... Об искусстве актера/Литературное наследие. Т. 2, М., 1986.

(как и за словами нашей речи), давая им смысл, силу и выразительность. В них невидимо жестикулирует наша душа. Это – „**психологические жесты**“»⁶⁰.

Вдумайтесь, например, в человеческую речь, что происходит в нас, когда мы говорим или слышим такие выражения как: «прийти к заключению», «коснуться проблемы», «порвать отношения», «схватить идею», «ускользнуть от ответственности», «впасть в отчаяние», «поставить вопрос» и т. п. О чем говорят все эти глаголы? О *жестах*, определенных и ясных. И мы совершаем в душе эти жесты, скрытые в словесных выражениях. Самое интересное, что описать словами эти общие, внутренние психологические жесты (впрочем, как порой и некоторые частные) или суть чьего-то, основанного на них, «коммуникативного почерка» очень трудно – слов не хватает либо они не совсем точно, не полно передают заключенное в таких жестах содержание. Иногда даже легче их просто изобразить, показать «образно» рисунком или пантомимой.

Вот почему современные масс-медиа, добиваясь определенной эффективности своего воздействия, довольно часто и прибегают к наглядным образам – изобразительным (невербальным) коммуникативным элементам. И это не только телевидение, которое в принципе основано на визуальных образах, но и обычные печатные СМИ, обязательно снабжающие тексты своих публикаций разного рода «картинками». Чаще всего они не просто иллюстрируют текст, а именно задают нужное русло его интерпретации. На них читатель в первую очередь концентрирует свое внимание и через их посредство воспринимает также и нечто важное, что по разным причинам не высказано словами. И как «в драматической борьбе немного и звукового кино, так и в соотношении вербальной и невербальной коммуникации выигрыш коммуникации на уровне значений оборачивается порой проигрышем коммуникации на уровне смыслов»⁶¹.

⁶⁰ Цит. по: Кроть Л. М., Михайлова Е. Л... Человек-оркестр: микроструктура общения. М., 1993. С. 27.

⁶¹ Фейгенберг Е. И., Асмолов А. Г. Культурно-историческая концепция и возможности использования невербальной коммуникации в восстановительном воспитании личности/Вопросы психологии, № 6, 1994. С.77.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.